

МЕЛАНІ
БЕНДЖАМІН

ГОСПОЖА
ОТЕЛЯ «РИТЦ»

Звезды зарубежной прозы

Мелани Бенджамин

Госпожа отеля «Ритц»

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бенджамин М.

Госпожа отеля «Ритц» / М. Бенджамин — «Эксмо»,
2019 — (Звезды зарубежной прозы)

ISBN 978-5-17-133999-9

Легендарный «Ритц» – место, в котором властвуют шик и роскошь. В его стенах любая женщина чувствует себя красивой и элегантной, а каждый мужчина становится неотразимым. Хемингуэй, Фицджеральд, Коко Шанель и чета Виндзор – знаменитые гости, которых принимают блистательные супруги Бланш и Клод Аузелло. Кажется, что жизнь этой пары – праздник, который никогда не закончится, но июнь 1940 года приносит страшные перемены и новых постояльцев... «Ритц» – бессменный символ парижского лоска – становится штаб-квартирой нацистов. Оккупированная столица задыхается, теряет былой блеск, но Бланш и Клод должны сохранять лицо даже в такие времена... Для того чтобы выжить и нанести удар своим нацистским «гостям», им придется сплести сеть обмана, которая может разрушить не только отель, но и их судьбы...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133999-9

© Бенджамин М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Лили	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мелани Бенджамин
Госпожа отеля «Ритц»
Роман

Бену, которому пришлось ждать эту книгу

Melanie Benjamin
Mistress of the Ritz

* * *

This translation published by arrangement with Delacorte Press, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© 2019 by Melanie Hauser
© Ратькина Т., перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Лили

Бланш погибла.

Иногда смерть становится благословением; думаю, так случилось и с Бланш. Когда-то она была жизнерадостной и одухотворенной – и я хочу запомнить ее такой. Моя память сохранила так много образов: как Бланш поет матросскую песню, удерживая на тыльной стороне руки бокал шампанского. Как учит проститутку танцевать чарльстон. Жалеет кого-то, кто этого не заслуживал. Упрямо отворачивается или топает ногами, как маленький ребенок. Отважно и глупо бросает вызов тем, с кем не стоило связываться.

Но мое самое яркое воспоминание относится к дню, когда я увидела ее впервые. В декорациях, которые подходили ей лучше всего. В отеле «Ритц». В ее любимом отеле «Ритц».

Бланш не было в «Ритце» в тот день 1940 года, когда нацисты вошли в Париж; она еще возвращалась домой с юга Франции. Но она рассказала мне все, что случилось тогда...

Как вначале до гостей и служащих отеля донеслось рычание танков и джипов; они вползли на огромную площадь и окружили колонну, с высоты которой с ужасом озирали окрестности Наполеон. Потом по мостовым и тротуарам с металлическим лязгом застучали каблучки – все громче по мере того, как нацисты подходили ближе, ближе, ближе. Постояльцы заламывали руки и в панике переглядывались; некоторые кинулись к служебному входу. Но далеко они не ушли.

Мадам Ритц, хрупкая, элегантная, одетая в лучшее винтажное черное платье с талией «в рюмочку», ждала у входа в свой дом – самый величественный отель Парижа. Ее увешанные драгоценностями руки дрожали, когда она сцепила их перед собой. Несколько раз она бросила тревожный взгляд на огромный портрет покойного мужа, как будто он мог сказать, что делать дальше.

Некоторые из сотрудников были с ней и с ним с самого начала, с 1898 года. Они помнили, как эти двери открылись впервые. Блистательные, веселые гости вошли в шикарно украшенный зал – в новом отеле месье Ритца не было вестибюля; он не хотел, чтобы простолюдины замарали позолоченные двери. Глаза постояльцев были полны восхищения. Здесь собрались принцы, графини и богатейшие из богачей: Марсель Пруст, Сара Бернар. Когда заиграла музыка, зажглись люстры, а с кухни вынесли вереницу подносов с лучшими творениями Огюста Эскофье – меренгами с ванильным кремом, украшенными засахаренными лепестками лаванды и фиалки; турнедо «Россини»; разнообразными паштетами; даже персиковой мельбой в честь госпожи Нелли Мелбы, которая согласилась исполнить для гостей серенаду, – служащие отеля в последний раз поправили новую униформу и улыбнулись, горя желанием выполнять свою работу. Подносить, поднимать, подавать, полировать, вытирать пыль, мыть полы, нарезать, складывать, чинить. Ублажать. Успокаивать. Они в восторге от того, что стали частью этого грандиозного нового отеля, единственного в мире с ванными комнатами, телефонами в каждом номере и электричеством вместо газового освещения.

Отеля «Ритц» на Вандомской площади.

В тот роковой день 1940 года никто не улыбался. Некоторые не скрывали слез, когда немцы ворвались в парадные двери. Их пыльные черные ботинки оставили следы на шикарных коврах. Оружие угрожающе висело на плече или было спрятано в кобуру. Они не сняли шапки – имперские шапки с нашивками в виде орла. Их серо-зеленая, цвета фасоли униформа казалась уродливой и оскорбительной на фоне сверкающего золотом, мрамором и хрусталем коридора, шикарных гобеленов на стенах, царственной синевы покрытой ковром парадной лестницы.

Кроваво-красные повязки на руках – грозный черный паук свастики – заставили всех вздрогнуть.

Немцы были здесь. Это должно было случиться после того, как французская армия рассыпалась, как одно из прекрасных слоеных пирожных месье Эскофье. После того, как мощь линии Мажино оказалась детской иллюзией. Как британские союзники покинули Францию, в панике переправившись через Ла-Манш в Дюнкерк. Немцы были здесь. Во Франции, в Париже.

В отеле «Ритц» на Вандомской площади.

Глава 1

Бланш

Июнь 1940 года

Ее туфли.

В это трудно поверить, но она беспокоится о туфлях. Из всех вещей, которые должны были волновать эту женщину в тот страшный день, ее беспокоят только туфли.

Впрочем, учитывая, кто она и куда направляется, обувь действительно была проблемой. Грязная, покрытая комьями засохшей глины, со стертыми каблуками. Все, о чем она может думать, пока муж помогает ей сойти с поезда, – как отреагирует Коко Шанель, эта сука, когда увидит ее. Как все они отреагируют, когда она появится в «Ритце» в грязных, поношенных туфлях и рваных чулках, расплзающихся на ее стройных икрах. Она ничего не может поделать с чулками – даже Бланш Аузелло не решится сменить чулки на лодыжки, – но отчаянно высматривает скамейку, чтобы порывшись в чемоданах и найти другую пару туфель. Но прежде чем она успевает озвучить это пожелание, их с мужем подхватывает бурлящая разношерстная толпа – кто, черт возьми, все эти люди? Французы? Немцы? Беженцы? В нетерпении и ужасе они хлынули с Северного вокзала, чтобы узнать, что стало с Парижем в их отсутствие.

Бланш с мужем вливаются в этот поток голодранцев. Грязь и зола облепили их потные подбородки, локти и колени, залегли за ушами. Лица перепачканы сажей. Они не переодевались уже несколько дней. Клод упаковал свою капитанскую форму перед тем, как покинуть гарнизон. «Чтобы надеть ее снова, – уверял он Бланш или, скорее, самого себя, – когда мы опять перейдем в наступление. А мы обязательно это сделаем».

Но никто не знает, когда придет это время – и придет ли оно вообще. Особенно сейчас, когда нацисты захватили Францию.

Выйдя из здания вокзала, супруги наконец-то выбираются из толпы, пытаются отдышаться и собрать багаж, который вываливается из рук. Когда девять месяцев назад они паковали вещи, то понятия не имели, что уезжают так надолго. Аузелло по привычке высматривают такси, но его нет. Машин вообще нет; только одинокая повозка, запряженная самой грустной лошадью, какую доводилось видеть Бланш.

Клод смотрит на кобылу и качает головой. Она тяжело дышит. Из рта капает пена; ребра так выпирают, что кажется, будто вокруг них вырезана плоть.

– Это животное не доживет до завтра.

– Ты! – Бланш подходит к мужчине, сидящему на телеге. У него маленькие глазки и щербатая улыбка.

– Да, мадам? Десять франков. Десять, и я отвезу вас в любую точку Парижа! У меня единственная лошадь и телега в радиусе двадцати километров!

– Сейчас же распрягай лошадь. Ублюдок, она вот-вот упадет, ты разве не видишь? Ее нужно держать в конюшне, кормить.

– Чокнутая стерва, – бормочет мужик, потом вздыхает и показывает на улицу, кишашую пешеходами. – Ты что, не понимаешь? Нацисты забрали всех здоровых животных. Эта кляча – единственное, чем я могу заработать на жизнь.

– Мне все равно. Я заплачу двадцать франков, если вы дадите этому животному немного полежать.

– Если она ляжет, то больше не встанет. – Мужчина бросает взгляд на лошадь, покачивающуюся на кривых ногах, и пожимает плечами. – Я думаю, она протянет еще три, может, четыре поездки. И сдохнет. Тогда и мне конец.

– Да я тебя своими руками...

Но Клод уже оттаскивает жену от бедного животного и его хозяина.

– Тише, Бланш, тише. Хватит. Нам нужно идти. Ты не можешь спасти всех несчастных в Париже, любовь моя. Особенно сейчас.

– Попробуй останови меня!

Но она позволяет мужу увести себя подальше от станции. Ведь Аузелло еще так далеко от своей главной цели – отеля «Ритц».

– Я бы телеграфировал, чтобы нас кто-нибудь встретил, – говорит Клод, вытирая лоб грязным носовым платком; потом смотрит на него и морщится. Муж Бланш жаждет чистого носового платка так же сильно, как она жаждет новых туфель. – Но...

Бланш кивает. Все телеграфные и телефонные линии, связывающие Париж с внешним миром, были перерезаны во время оккупации.

– Месье! Мадам! – Два предприимчивых парня предлагают донести чемоданы Аузелло за три франка. Клод соглашается, и они бредут за мальчишками по улицам города, обычно таким оживленным. Бланш невольно вспоминает, как впервые пыталась объехать вокруг Триумфальной арки. Столько полос, заполненных гудящими машинами! А сегодня она поражена полным отсутствием движения.

– Немцы конфискуют все машины, – высокий бледный парень со светлыми волосами и сломанным передним зубом заявляет это с самоуверенностью юнца, который наконец-то осведомлен лучше старших. – Для армии.

– Я бы лучше взорвал свою машину, чем отдал ее бошам, – бормочет Клод. С языка Бланш чуть не срывается напоминание, что у них нет машины. Но она вовремя останавливается; даже она понимает, что сейчас это лишнее.

Продвигаясь вперед, они чувствуют еще кое-что: тишину. Затих не только гомон ошеломленных горожан, вывалившихся из вокзала и растекающихся по городу, как грязная лужа. Смолкло все. Если в Париже и было что-то постоянное, так это разговоры. Кафе ломались от завсегдатаев, спорящих о цвете солнца. Тротуары были заполнены людьми, которые то и дело останавливались, чтобы что-то сказать, тыча пальцем в грудь собеседника. Обсуждали политику, крой костюма, лучший сырный магазин – тема не имела значения; она никогда не имела значения. Бланш слишком хорошо знает, как парижане любят поболтать.

Сегодня кафе пустуют. На тротуарах ни души. Нет шумных школьников в форме, играющих в садах. Нет торговцев, с песней толкающих свои тележки; нет лавочников, торгующихся с поставщиками.

Но Бланш чувствует на себе чьи-то взгляды. Несмотря на жаркий солнечный день, ее знобит; она берет мужа под локоть.

– Смотри! – шепчет он, указывая куда-то вверх. Бланш повинует; в окнах под мансардными крышами она замечает людей, украдкой выглядывающих из-за кружевных занавесок. Переведя взгляд еще выше, она видит на крышах домов что-то блестящее, отражающее свет.

Нацистские солдаты с начищенными винтовками смотрят на них сверху вниз.

Бланш начинает дрожать.

До сих пор они не встретили ни одного нацистского солдата. Немцы так и не дошли до Нима, куда в начале «сидячей войны» направили гарнизон Клода. В поезде, идущем в Париж, все боялись, что их обстреляют бомбардировщики; так было со многими беженцами. Каждая запланированная и незапланированная остановка заставляла разговоры стихать; люди задерживали дыхание, боясь услышать немецкие слова, немецкие шаги, немецкие выстрелы. Но за все это время Аузелло так и не встретили ни одного нациста.

Это случилось сейчас, когда они вернулись домой. Это правда случилось, черт возьми! Нацисты действительно захватили Париж.

Бланш делает глубокий вдох – у нее болят ребра и сводит живот; она не может вспомнить, когда ела в последний раз, – и идет дальше в своих поношенных туфлях. Наконец перед ними открывается огромная Вандомская площадь; здесь тоже нет горожан. Но есть солдаты.

Бланш ахает, Клод тоже. На площади, окружив статую Наполеона, стоят нацистские танки. Громадный флаг со скрученной черной свастикой висит над несколькими дверными проемами – в том числе над входом в отель «Ритц». Любимый «Ритц» ее мужа. И ее тоже. Их «Ритц».

Наверху лестницы, ведущей к парадным дверям, стоят два нацистских солдата. С оружием.

Раздается грохот. Мальчишки побросали чемоданы и улепетывают, как зайцы. Клод смотрит им вслед.

– Пожалуй, нам лучше пойти домой, – говорит он, снова доставая грязный носовой платок. Впервые за сегодняшний день и впервые с тех пор, как они с Бланш познакомились, ее муж выглядит неуверенным. Именно в этот момент она понимает, что все изменилось.

– Чепуха, – отвечает Бланш, чувствуя, как вскипает кровь – чужая кровь, кровь отважной женщины, которой нечего скрывать от нацистов. Удивляя не только Клода, но и саму себя, она собирает чемоданы и направляется прямо к солдатам.

– Мы войдем через парадную дверь, Клод Аузелло. Потому что ты директор отеля «Ритц».

Клод начинает слабо протестовать, но замолкает, когда они приближаются к часовым. Те делают несколько шагов в их сторону, но, слава богу, не поднимают оружия.

– Это господин Клод Аузелло, директор «Ритца», – заявляет Бланш на безупречном немецком языке, с уверенностью, которая, очевидно, поражает ее мужа. По словам Клода, его жена американского происхождения говорит по-французски с самым ужасным акцентом, какой он когда-либо слышал. Поэтому такой чистый немецкий становится для него потрясением.

Впрочем, Аузелло удивляли друг друга с момента первой встречи.

– Я фрау Аузелло. Мы хотим немедленно поговорить с офицером. Позовите его! Быстро! Солдаты смотрят испуганно; один из них убегает в гостиницу.

– Боже мой, Бланш, – шепчет Клод, и по тому, как крепко он сжимает ручки чемоданов, Бланш понимает, что муж изо всех сил старается не перекреститься на этот ужасный французский католический манер.

Несмотря на дрожь в руках и ногах, Бланш держится прямо, даже властно. Когда появляется офицер, невысокий человек с красным лицом, она уже точно знает, что собирается сказать.

Ведь она Бланш Аузелло. Американка. Парижанка. С этого дня в ее прошлом, настоящем и будущем появится много вещей, которые нужно скрывать. Впрочем, она и раньше многое скрывала. Все эти двадцать лет. Так что она в этом преуспела – в обмане. Как, надо признать, и ее муж.

Возможно, это связывает их еще крепче.

– Герр Аузелло! Фрау Аузелло! Очень приятно познакомиться. – Вывалившись из дверей, командир приветствует их одновременно слащавым и гортанным на немецкий манер голосом; его французский безупречен. Он кланяется Клоду и тянется поцеловать руку Бланш. Она вовремя убирает руку за спину и еще раз вздрагивает.

– Добро пожаловать обратно в «Ритц»! Мы так много слышали о вас! Руководство переехало, – нацист кивает в сторону улицы Камбон, которая проходит за зданием. – Мы, немцы, благодаря гостеприимству ваших сотрудников чувствуем себя на Вандомской площади как дома. Остальные гости живут на улице Камбон. Мы взяли на себя смелость забрать ваши лич-

ные вещи из офиса и перенести их в галерею над вестибюлем. Почти весь ваш персонал цел и невредим. Ожидает ваших инструкций.

– Прекрасно, прекрасно, – слышит Бланш свой ответ. Она реагирует так, как будто каждый день сталкивается с нацистским офицером, и не может не восхищаться своей игрой. Будь она проклята, если немецкое вторжение не сделает из нее актрису, которой она всегда мечтала стать. – Ничего иного я и не ждала. А теперь, может быть, вы прикажете своим людям отнести наши чемоданы?

Она поворачивается, чтобы ободряюще улыбнуться Клоду, который побледнел под загаром, приобретенным на юге Франции. Когда солдаты начинают собирать багаж, она замечает, что Клод крепко сжимает атташе-кейс. Костяшки пальцев на руке побелели от напряжения, мускулы на шее подергиваются. Бланш бросает на него вопросительный взгляд, но лицо Клода остается спокойным и невозмутимым.

Вслед за двумя солдатами они пересекают площадь и сворачивают налево на узкую, но шикарную улицу Камбон. И снова она чувствует, что за ней наблюдают. Бланш тянется к мужу и берет его за руку; Клод крепко сжимает ее ладонь. Связанные таким образом, они не дрогнут. В этом она уверена; это единственное, в чем она уверена в этот невероятный миг, когда все не так, как должно быть. Когда нацистские солдаты сопровождают чету Аузелло к заднему входу в отель «Ритц». Они следуют за ними в крошечный вестибюль, который мгновенно заполняется знакомыми лицами, испуганными и бледными, но расплывающимися в улыбках облегчения при виде Аузелло. Бланш тоже улыбается и кивает всем, но не останавливается поболтать. Она чувствует, что мужу сейчас не до эмоций по поводу возвращения домой, не до радости от встречи с сотрудниками, которых он покинул почти год назад и которых считал своей семьей, своими детьми. Обычно муж сразу бросал ее, чтобы поприветствовать их, открыть бутылку портвейна в своем кабинете и выслушать многочисленные истории: уволилась молодая цветочница – она вышла замуж за своего любовника; появился новый поставщик масла, потому что старый умер, а его дети продали бизнес.

Но Клод знает, что сегодня ему будут рассказывать совсем другие истории. О сотрудниках, исчезающих в хаосе оккупации; о молодых коридорных, гибнущих в бою; о том, что симпатичный молодой флорист по фамилии Шабат не женился и отчаянно пытается получить английскую визу. А еще о том, что нацисты собираются сделать с его отелем. Да, муж Бланш считает «Ритц» своим, хотя его настоящие владельцы – семья Сезара Ритца. Он высокомерен в этом смысле, ее Клод. Если быть честной с самой собой – а Бланш позволяет себе такое хотя бы раз в день, – это одно из тех качеств, которыми она восхищается в муже больше всего.

Клод очень спешит в свою комнату. Бланш почти бежит, чтобы не отстать от него и от солдат в черных сапогах со стальными носами, которые впечатываются в плюшевые ковры. Бланш беспокоится – она и сейчас остается женой директора «Ритца»! – что ковры не выдержат такого обращения. Эти ковры привыкли к прикосновению изящных кожаных каблуков... И снова она вспоминает о своих грязных туфлях. Впервые за очень долгое время мадам Аузелло чувствует, что не соответствует окружающей обстановке.

За годы, проведенные в «Ритце», она привыкла наряжаться. В этом месте есть что-то, что заставляет надеть лучшее платье и самые красивые драгоценности, выпрямить спину, говорить тише, в последний раз взглянуть на свое отражение перед тем, как выйти в мраморные залы, в которых каждая поверхность отполирована и сияет. Те, кто обеспечивает это вечное сияние, при виде гостя отступают в укромные углы. В итоге отель кажется волшебным замком, за которым с любовью ухаживают духи, выходящие только по ночам.

Но сейчас Бланш замечает нацистский флаг на огромных кадках с пальмами. Кожей ощущает гробовую тишину в роскошных залах и гостиных. Догадывается, что к каждой натертой до блеска двери прижато ухо доносчика. И снова забывает о туфлях.

Аузелло провожают в их старый люкс в крыле отеля, которое выходит на улицу Камбон. Чемоданы аккуратно сложены, но будь проклята Бланш, если она даст чаевые нацисту! Она просто кивает, и солдаты уходят. Супруги отворачиваются друг от друга, словно не могут поверить, что час возвращения домой – каким бы кошмарным он ни был! – все же настал. И вот они вдвоем, как туристы, бродят по комнатам. Бланш с удивлением замечает, что все покрыто слоем пыли – раньше такое было невозможно представить. На позолоченных обоях появились трещины – наверное, до оккупации этот район бомбили. В воздухе повисла тишина, как будто маленький номер – по меркам Ритца, во всяком случае, – затаил дыхание до их возвращения. Она открывает окно; внизу нацистские солдаты разговаривают и смеются, как школьники на каникулах.

– Почему ты вел себя, как нашкодивший ребенок? – Бланш вздрагивает, отходит от окна и наконец поворачивается к Клоду, который все еще сжимает ручку кейса.

– У меня с собой... – Он начинает нервно смеяться, его аккуратные усики дрожат, а глаза навыворот моргают. – Ах, Бланшетт, глупая ты женщина! У меня здесь документы. – Он барабанит по корпусу атташе-кейса. – Нелегальные. Бланки проездных и демобилизационных документов. Я украл их из гарнизона, чтобы использовать здесь, в Париже, для... для тех, кому они могут понадобиться. Меня могли бросить в тюрьму, если бы нацисты обнаружили их.

– Боже мой, Клод! – Теперь настала ее очередь побледнеть; она опускается в кресло, представляя, что могло случиться. – О, Клод! Ты должен был сказать мне, когда мы уезжали из Нима.

– Нет. – Клод качает головой, теребя воротник рубашки. – Нет, Бланш. Есть вещи, о которых тебе не следует знать. Для твоего же блага.

И он снова становится собой, муж Бланш, ее раздражающе французский муж со своими строгими принципами и идеальным произношением. Они женаты уже семнадцать лет, а он все еще пытается сделать из непокорной американки послушную жену-француженку.

– Ах, Клод, мы ведь не будем сейчас заводить эту старую песню? После всего, что мы пережили за этот год. После сегодняшнего дня.

– Я понятия не имею, что ты имеешь в виду, – чопорно заявляет ее муж. Раньше этот тон был для Бланш красной тряпкой. С легким уколом совести она вспоминает, что некоторые дыры в обоях появились еще до их отъезда. По вине летающих ваз и подсвечников, по причине длительных споров о природе брака. В частности, их брака.

Но сегодня Бланш слишком устала и сбита с толку, чтобы ругаться. И слишком хочет пить. Когда она в последний раз пила? Прошла вечность. Она смеется, несмотря на неприятный звон в ушах. Немецкое вторжение – круг ада, где тебя поджаривают на медленном огне.

– Ну вот и все. – К своему удивлению, Бланш вынуждена смахнуть неожиданно выступившую слезу. – Все это было не так уж плохо. Пока не закончилось.

– О чем ты? – Клод, который осматривает комнату в поисках места, где можно спрятать контрабандные бумаги, хмурится.

– Ничего не изменилось. После тех месяцев в Ниме, когда мы... когда у нас была настоящая семья. Париж перешел под власть Германии, но ты все еще лжешь мне.

– Нет-нет, все совсем не так. – К удивлению Бланш, Клод произносит эти слова с грустью. Он бросает кейс на стол, как будто больше не в силах нести эту ношу. Его лицо смягчается, оно выглядит почти таким же молодым и подвижным, как в день их первой встречи. Мгновение он выглядит раскаявшимся, и она наклоняется к нему, прижав руки к сердцу, как юная девушка. Глупая, но полная надежд девушка.

Но Клод так и не потрудился объяснить, как все было на самом деле. Бланш пожимает плечами – единственное, что, по словам ее мужа, она делает не хуже, а даже лучше любой француженки, – и начинает распаковывать вещи.

– Сейчас... – Клод потягивается, выгибая спину, которая неприятно хрустит; его обычно невозмутимое лицо выглядит таким усталым, что, несмотря на разочарование, у Бланш возникает мимолетное желание загнать его в ванну и уложить в постель. – Я должен пойти к мадам Ритц и посмотреть, что происходит в том крыле. Там, по-видимому, расположились немцы. Нацисты во дворце Сезара Ритца – боже мой! Он перевернется в гробу!

– Иди, иди. Ты не успокоишься, пока не осмотришь каждый сантиметр своего любимого «Ритца». Я знаю тебя, Клод Аузелло. Но, может, мы потом заглянем в квартиру? Посмотрим, что там? – Впервые Бланш вспоминает об их просторной квартире на авеню Монтень, в тени Эйфелевой башни. С того самого момента, как Аузелло покинули Ним в хаосе отступления, они стремились в «Ритц». Он был их главной целью. Но в Париже у них есть и другой дом – дом, который не занят нацистами. При мысли о солдатах, прячущихся за каждым углом здесь, в «Ритце», Бланш изнывает от желания сбежать. Бесстрашная самозванка, которая стояла снаружи и командовала нацистами, как крестьянами, исчезла; ее место заняла простая женщина.

Испуганная женщина без настоящего дома; чужая в стране, занятой ужасным врагом. Это делает ее слишком зависимой от мужа, который чаще разочаровывает, чем радует.

Впрочем, она разочаровывает его не меньше.

– Думаю, нет, – говорит Клод с бóльшим, чем обычно, оттенком властного превосходства; в ее нынешнем состоянии Бланш слышит это с облегчением. – Если начнется дефицит и нормирование, то лучше нам быть здесь, в «Ритце». Я уверен, немцы позаботятся о том, чтобы у них было все самое лучшее, и, возможно, нам достанутся объедки. После минутного колебания Клод идет к жене, заключает ее в объятия и шепчет на ухо: – Ты была смелой сегодня, моя Бланшетт. – Бланш невольно вздрагивает и теснее прижимается к его груди. – Очень смелой. Но, может быть, нам лучше побыть трусами? Пока мы не поймем... Пока не поймем.

Она кивает; его слова не лишены смысла. О, он во всем прав, ее Клод, – за исключением одного вопроса. Одного очень важного вопроса. И все же она позволяет себе слегка прижаться к мужу. Он не высок, не широкоплеч и не мускулист. Но рядом с ним Бланш все равно чувствует себя защищенной. Так было с самого начала. Такому уверенному в себе, раздражающе прямолинейному и порядочному мужчине нетрудно этого добиться. Хотя у него маленькие руки и тонкая, изящная, как у танцовщицы, шея, Бланш цепляется за мужа; в конце концов, он – единственное, что у нее осталось. Она могла бы вернуться в Америку, когда мир стал рушиться на глазах. Могла бы вернуться к своему любовнику в другой стране – и, скорее всего, быть в безопасности на обочине этого страшного цирка. Но нет, она осталась во Франции со своим мужем.

Когда-нибудь ей придется задать себе вопрос: почему? Но не сегодня, она и так через многое прошла. И ей срочно нужно выпить.

Как только Клод уходит, пообещав не задерживаться надолго, – они оба знают, что это обещание он не сдержит, – Бланш решает как следует рассмотреть себя в зеркале. Она уже несколько дней не видела своего отражения. Светлые волосы – ненатуральные; кольцо с рубином на правой руке – ненастоящее. Она спрятала драгоценность много лет назад и заменила ее подделкой, но никогда не говорила об этом Клоду – он бы не одобрил такое решение. Изящный золотой крестик на шее – свадебный подарок мужа. Сначала она сочла это шуткой, но вскоре поняла, что ошибается; паспорт в сумочке, помятый оттого, что Бланш носила его с собой изо дня в день. Все это шутки, раз уж на то пошло, – с горечью думает она.

Теперь все стало шуткой. Фарсом. Иллюзией.

Эта новая реальность, этот кошмар, в котором она вдруг очутилась... Он так далек – на расстоянии световых лет! – от Парижа, от «Ритца», от человека, которого она встретила, приплыв из Америки. Это было семнадцать лет назад. Целую жизнь назад.

Так же далеко, как мечты от реальности. Некоторые из прошедших семнадцати лет, собственно, и напоминали мечты. В основном неосуществленные.

Как и положено мечтам.

Глава 2

Клод

1923 год

Давным-давно, еще до вторжения нацистов...

– Эй, возьми-ка вот это, ладно? Эй, мистер!

Молодой человек оторвал взгляд от грессбуха и нахмурился. Какая-то американка пыталась докричаться до него через вестибюль отеля «Кларидж». Голос был громким, резким, настойчивым. Американцы говорили так, как будто верили, что весь мир хочет услышать их заявления. Никакого благоразумия!

Но американцы платили ему жалованье, поэтому он постарался придать своему лицу приветливое выражение.

Париж – его Париж – был наводнен этими шумными пришельцами. Конечно, это случилось из-за Великой войны. Самоуверенные американские солдаты, которые хвастались, что спасли положение, – хотя они прибыли в сумерках, а не на рассвете, – захотели получше рассмотреть *веселый Пари*, соблазнивший их перед отъездом. Поэтому они возвращались толпами, привозя своих женщин. Они захватили кафе, где заказывали кофе к еде (абсурд!), пили абсент, пока не ослепли. И разговаривали, постоянно разговаривали, даже с незнакомыми людьми.

– Привет, – сказал один из них молодому человеку вчера, когда тот сел рядом в небольшом кафе. – Меня зовут Бад. А тебя как?

Молодой человек, естественно, не ответил. Какое этому американцу дело? Он никогда не поймет стремления этой нации всюду объявлять о своем присутствии. Почему это должно кого-то волновать?

Больше всего на свете парижане хотели, чтобы их оставили в покое. Оставили наедине с их горем, позволили спокойно оплакать погибших и пропавших без вести. Особенно их раздражали молодые американцы, потому что в 1923 году во Франции осталось ничтожно мало мужчин моложе шестидесяти.

Но американцам было все равно. Они улыбались широкими белозубыми улыбками, размахивали огромными ручищами, полными франков, и не переставали восхищаться тем, как все дешево. По сути, они говорили: мы вам не союзники – мы лучше вас!

Молодой человек – его звали Клод Аузелло – подавил гнев и отвращение, потому что вся его жизнь зависела от этих ликующих иностранцев, которые продолжали сходить с лодок в Кале и плыть по Сене в Париж, как мусор.

– Могу я вам помочь? – Он подошел к шумной американке, которая махала ему через вестибюль.

– Да, спасибо, мистер...

– Аузелло. Месье Аузелло. Я здесь, чтобы исполнить все ваши пожелания. – Отступив на шаг, он прикоснулся к медной табличке на пиджаке, подтверждавшей его высокое положение в отеле «Кларидж», – помощник управляющего.

– Ну разве он не лапочка? – Она захлопала ресницами, эта нахальная женщина. Опытным взглядом Клод определил, что ей уже за тридцать. На самом деле, ей было под сорок. Пудра осела в морщинках лица, а помада на кукольно-пухлых губах была слишком красной. Она была блондинкой – натуральной, как показалось Клоду. Высокая, широкоплечая, вся в мехах и драгоценностях, она напоминала облезлую рождественскую елку.

– О, Перл, ты была права. Это конец, просто фиаско!

Еще одна напористая американка! Подавив вздох, Клод повернулся, чтобы поприветствовать ее, и профессиональная улыбка уже появилась в уголках его губ. Но тут же исчезла; что-то дрогнуло в груди, и впервые в жизни молодой человек задался вопросом, не попал ли он, Клод Аузелло, под обстрел Купидона?

Потому что гостья, которая подошла к нему и по-американски уверенно протянула руку, была самой красивой женщиной, какую он когда-либо видел. Она тоже была блондинкой – кажется, крашеной, но какое это имело значение, если цвет волос идеально подходил ей? У нее были большие, сверкающие карие глаза. Перед этим сочетанием – блондинка с карими глазами – Клод никогда не мог устоять.

Но его пленили не только ее крашенные локоны, но и ее улыбка, такая ослепительная, такая непринужденная. Она была моложе своей спутницы по меньшей мере на десять лет; роса на этой американской розе еще не высохла. Она тоже была высокой – все американки такие высокие! – так что Клоду пришлось слегка приподнять голову, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Вы впервые у нас, мадемуазель?

– Я впервые за пределами Нью-Йорка. Не могу поверить, что я правда в Париже!

Как мило! Никакой фальши, никаких претензий на изысканность, которыми грешат многие из тех, кто только приехал сюда. Эта молодая женщина вне себя от радости, и ей плевать, что думают об этом окружающие.

– Тогда показать вам Париж – мой профессиональный долг! – ответил он, быстро принимая решение.

Как помощник управляющего отелем «Кларидж», Клод Аузелло нередко показывал Париж красивым женщинам; он считал это одной из привилегий своего положения. Если честно, в прошлом месяце произошло небольшое... недоразумение... между ним и красивой дамой; недоразумение, в результате которого красивая дама покинула отель, уверяя всех и каждого, что Клод должен оплатить ее расходы. Такая деловая сделка, конечно, не обсуждалась во время полуночных ужинов «У Максима», где она оказалась слишком восприимчивой к шампанскому и лести Клода.

Естественно – и абсолютно справедливо – директор отеля отчитал его и предупредил, чтобы впредь Клод вел себя осмотрительнее.

Осторожность! Да, это незаменимое качество для француза. Особенно для того, кто прошел войну невредимым. Жизнь Клода спас счастливый случай, а точнее, мочевого пузыря. Он не любил повторять эту историю... Клод оставил пост, чтобы справить нужду; пока он был в кустах, барак уничтожило прямое попадание артиллерийского снаряда. За это его наградили – таковы парадоксы судьбы! И вот в отличие от многих друзей детства он жил и наслаждался Парижем, в котором, кажется, было по пять красивых женщин на одного здорового молодого человека. «Клод, – сказал ему отец, когда они впервые обнялись в слезах после демобилизации. – Клод, сын мой. Франция – ваша страна, благодарная вам за освобождение. Не упустите этот шанс!»

И он его не упустил, дорогой папа. Не упустил!

– Могу я уточнить, на какие имена забронирован ваш номер? – непринужденно спросил Клод.

– Перл Уайт, – заявила старшая из двух американок.

– Меня зовут Бланш. Э-э... Росс, Бланш Росс, – сказала та, что моложе, с застенчивой улыбкой и легкой запинкой, как будто произносила свое имя впервые.

Они проследовали к стойке регистрации, где вручили Клоду свои паспорта. Он проверил их и после небольшой паузы вернул обратно.

– Все в порядке, – с улыбкой сказал Клод очаровательной мадемуазель Росс. Он попросил их расписаться в гроссбухе – подпись мадемуазель Росс заняла целых две строчки – и достал два ключа. Отдавая один Бланш, он прикоснулся к трепещущим кончикам ее перчаток и позволил своим пальцам на мгновение задержаться в этом положении – он просто не смог удержаться! Потом поцеловал верхнюю часть ее ладони, наслаждаясь удивленным вздохом мадемуазель Росс.

– Вот так мы встречаем красивых женщин во Франции! – Клод потрогал аккуратные усики, придававшие его юному лицу мужественность и зрелость.

– Какой вы... лощеный! – Мадемуазель Росс улыбнулась, и ее щеки восхитительно порозовели. У нее был обычный американский макияж: губы – узкая яркая полоска, на щеке нарисована мушка. Золотистые волосы коротко подстрижены. Модное платье чарльстон – с прямым лифом и заниженной талией – пикантно обтягивало пышный бюст.

– Лощеный? – Теперь настала очередь Клода удивляться; он гордился своим знанием английского языка, но в этом контексте слово было ему непонятно. – Как бумага?

– Как донжуан.

Клод ошеломленно покачал головой и вспыхнул при виде задорной улыбки молодой женщины.

– Донжон? Башня в замке?

– Как Валентино! Вы слышали о нем?

Лицо Клода прояснилось. Да, конечно, он видел Рудольфа Валентино в нескольких фильмах. Месье Валентино был забавным человечком со множеством зубов и глазами навывкате, но, по-видимому, он нравился красивым женщинам. Так это был комплимент!

– Руди вовсе не донжуан, – пренебрежительно бросила другая американка, Перл. – Он педик. Все в Голливуде это знают!

Клод напрягся: ну и язык!

– Можете поверить Перл на слово, – заверила Бланш, положив теплую руку на бицепс Клода – он сразу напряг мышцы под серым пиджаком в тонкую полоску. – Перл тоже кинозвезда. Вы ведь знаете ее? Видели «Опасные похождения Полины»? Так это Полина! Во плоти!

Он не слышал о Перл Уайт, но, естественно, сделал вид, что слышал. Как могла эта неотесанная женщина – она полезла в корсаж, чтобы поправить грудь, прямо здесь, в вестибюле отеля «Кларидж», – быть кинозвездой? Клод Аузелло засомневался.

– Разумеется, – обратился он к очаровательной мадемуазель Росс. – Я видел много американских фильмов, они очень популярны во Франции. Мадемуазель Глория Свенсон много раз останавливалась здесь, в отеле «Кларидж».

Он выпрямился с гордостью; это был интересный опыт! Мадемуазель Свенсон была очаровательна, и в вестибюле «Клариджа» висело много ее фотографий.

– Глория? – Перл фыркнула. – Эта козявка? Если хотите знать мое мнение, она пижонка и пустышка.

– Я тоже стану кинозвездой, – призналась Бланш, скромно опустив голову; ее щеки порозовели, как будто она сама не могла поверить в то, что говорила. – Вот почему мы здесь, в Париже. Чтобы снимать фильмы!

– Вот как... – Клоду не удалось скрыть разочарование. Кинозвезда? Нет, так не пойдет. Хотя фото кинозвезд украшали вестибюль отеля «Кларидж», подчеркивая высокий статус заведения и придавая ему лоск, сами по себе кинозвезды – особенно начинающие – стояли на ступень ниже помощника управляющего отелем. Кинозвезды стремились к публичности и совершали поступки – например, купались в фонтанах и снимали одежду в ночных клубах, – которые Клод считал вульгарными и банальными.

Но грудь мадемуазель Росс соблазнительно вздымалась, дыхание участилось; шелковистые ресницы были такими длинными, что касались щек.

– Мне не обязательно начинать прямо сейчас. Я должна была кое с кем встретиться, но мой... мой друг... задерживается на неделю. – Мадемуазель Росс достала мятую, заплаканную телеграмму и тут же сунула назад в карман пальто, как будто ей стало стыдно.

– На неделю? – Вот это хорошая новость! Неделя – идеальный срок. Главное, фиксированный. Никакой двусмысленности, никаких томных вздохов в последнюю минуту, трепета и нерешительного: «Может, мне стоит продлить свое пребывание...».

– Позвольте мне показать вам Париж, – снова предложил Клод, преодолевая антипатию к киноиндустрии или, по крайней мере, к данному ее представителю. – Это ваш первый визит, и я не могу предложить ничего лучшего.

– Я не уверена...

– Ну давай, Бланш! Наслаждайся жизнью, пока он не приехал!

Ах, значит, друг – это он. Который уехал на неделю.

Клод снова улыбнулся.

– Тогда давайте! Это было бы здорово! – Мадемуазель кивнула с еще одной лучезарной улыбкой. – Я до смерти хочу увидеть Париж!

– Давайте начнем! – Щелкнув пальцами (обычно Клод избегал театральности, но сейчас ничего не смог с собой поделать), он подозвал посыльных, чтобы те забрали груды чемоданов и ручной клади, которую привезли с собой женщины. Клод никак не мог взять в толк, зачем американцы везут с собой столько багажа! Их одежда была отвратительной, а здесь, в Париже, можно купить изысканные вещи, причем очень дешево.

Клод поправил галстук и повел женщин через вестибюль отеля «Кларидж», гордясь тем, что все люстры были вымыты только сегодня утром, мусорные баки опорожнялись каждый час, а медные выключатели полировались каждые два часа. Он показал, где находится дамский салон; ненадолго остановился в американском баре, полном шумных посетителей, слушающих, как певица напевает глупую песню, – что-то о прощании с человеком неопределенного пола по имени Тутси. Потом нажал кнопку позолоченного лифта и велел мальчику отвезти их на верхний этаж.

Там он провел гостей по устланному ковром коридору – ковер чистили дважды в день, и Клод с удовлетворением заметил свежие следы от пылесоса, – к их номеру; открыл дверь своим позолоченным универсальным ключом и отступил назад, позволяя дамам войти первыми.

– Святые угодники, Перл! – Бланш захлопала в ладоши и запрыгала, такая очаровательная и радостная, что Клоду захотелось тут же заключить ее в объятия. С трудом сглотнув, он включил свет, чтобы продемонстрировать номер во всей красе. С профессиональной отстраненностью открыл дверь в ванную и объяснил, как пользоваться кранами; не упомянул только биде, на которое, в конце концов, джентльмену не пристало указывать. Клод также показал гостям – Перл Уайт была более сдержанной, чем ее подруга, которая охала и ахала самым восхитительным образом, – освещенные кнопки рядом с кроватями: вызов горничной, чистка обуви, прачечная, обслуживание номеров.

– И – вуаля! – Он резко раздвинул богато украшенные портьеры, открывая взору широкие Елисейские поля.

Здесь царил привычный хаос: гудели машины, толпы туристов кричали, смеялись, делали фото на громоздкие коробки-камеры. Уличные кафе, полные людей, теснившихся за крошечными столиками; сувенирные киоски с миниатюрными Эйфелевыми башнями, крошечными красно-бело-синими французскими флагами и дешевыми беретами; лающие собаки; рестораны, размахивающие меню перед проходящими туристами. За все это Клод недолюбливал Елисейские Поля. Он уже готовился извиниться за их видимые и скрытые недостатки, когда Бланш Росс завизжала от восторга.

– О! О, как красиво! Это как Таймс-сквер, правда, Перл? Только намного лучше! Смотрите – это Эйфелева башня?

– Да, мадемуазель, так и есть.

– А вон там... что это?

– Триумфальная арка, построенная в честь победы Наполеона при Аустерлице.

– А это что? – Очаровательная американка открыла окно и решительно высунулась из него. Клод бросился к ней и обнял за талию – только из заботы о безопасности, уверял он себя. Осязая ее стройный торс, чувствуя, как упругая, свежая плоть напрягается от его прикосновения, впитывая тепло ее юного тела, переполненного невинным энтузиазмом, Клод понял, что с его сердцем происходит что-то странное.

Сердце Клода Аузелло – прежде надежный и потому ничем не примечательный механизм – издало звук, похожий на хлопанье пробки от шампанского. Этот звук достиг только его ушей, но их кончики уже горели от смущения. Грубее, чем следовало бы, Клод втянул мадемуазель Росс в комнату и без церемоний отпустил ее. Глубоко, но нервно вздохнул; собирался вынуть носовой платок, чтобы вытереть внезапно заблестевший лоб, но вовремя вспомнил, что находится на службе, – и ограничился тем, что поправил галстук. В этом не было необходимости; с галстуком все было в полном порядке. Оказалось, что галстук Клода заслуживает доверия больше, чем его сердце.

– Это площадь Согласия, мадемуазель Росс.

– Зови меня Бланш. Если ты собираешься провести со мной эту неделю, мы должны называть друг друга по имени, разве не так?

– Если хотите, – Клод кивнул, понимая, что говорит более строго и официально, чем планировал, но сейчас он не вполне доверял своему голосу, – меня зовут Клод, мадемуазель Бланш.

– Чудесно!

– Я зайду за вами в семь, если хотите. На Монмартре есть очаровательный ресторан, который, я думаю, вам понравится. Мы могли бы пойти туда пешком; сегодня такой теплый день.

– Потрясающе, Клод, просто потрясающе!

– И что же мне теперь делать? – Перл Уайт надула губы; на ее выдавшей виды физиономии это выглядело глупо.

– Ах, Перл. Я совсем забыла! – Бланш обратила на Клода умоляющий взгляд широко раскрытых карих глаз.

– О, не переживай! – Перл от души расхохоталась. – Я просто дразню тебя, дорогая. У меня поклонники уже выстроились в очередь.

Клоду показалось, что на лице девушки мелькнуло облегчение, и он не смог сдержать улыбку. Он попрощался с дамами, еще раз поцеловав руку мадемуазель Росс, и закрыл дверь, возвращаясь к своим обязанностям. Здесь были и другие гости, которых следовало поприветствовать. К тому же нужно сообщить ночному менеджеру о десятке мелких проблем, которые возникли в течение дня. В прачечной сломалась машина для отжима белья. Поставщик прислал несколько простыней, хотя никто их не заказывал. Шеф-повар узнал, что сегодня вечером не будет дуврской камбалы, и пригрозил уволиться – уже в третий раз за неделю. Двое официантов так и не появились в столовой, значит, нужно повысить двоих помощников официантов. Миссис Картер в президентском номере жаловалась на громкие шаги наверху, хотя она жила на последнем этаже, что ей уже не раз пытались втолковать.

Клод погрузился в работу с серьезностью и ответственностью, с которыми выполнял свои обязанности на войне. Несмотря на неловкость, связанную с обстоятельствами его спасения, он служил превосходно. Клоду была чужда ложная скромность; он знал, что рожден вести, а не следовать. Он командовал батальоном и знал смерть в лицо. Он держал дрожащие руки солдат, пока те уходили из жизни. Он погружал свои руки – теперь такие белые и холеные,

со вчерашним маникюром, – в кровь, дерьмо и кишки. Он ощупывал острые осколки костей, торчащие из плоти.

За то, что он выжил – бессмысленная вещь: ты просто продолжаешь дышать, когда окружающие этого не делают, – Клод был награжден орденом Почетного легиона.

Просто выполняя свою работу, он не ожидал такой чести.

Он мечтал о собственном отеле, но был еще молод – всего двадцать пять лет – и терпелив. Так что пока довольствовался местом помощника управляющего в отеле «Кларидж» – вполне приличном отеле; здесь останавливались американские кинозвезды и даже члены королевской семьи. Пожалуй, на вкус Клода отель был слишком оживленным и обычным: прямо на Елисейских Полях, где слишком много пешеходов; сзади проходит узкая улочка с джаз-клубами, которые он ненавидел – эта дребезжащая, нервная музыка. Но пока «Кларидж» был прекрасным местом. А уж потом... Ему нужно пробиться на самый верх, изучить работу изнутри и снаружи, прежде чем он сможет мечтать о своем деле. Для этого Клод нацелился на другой отель.

Такой отель, как «Ритц». О, одно это название заставляло его трепетать от возбуждения. Почти так же, как красивая блондинка по имени Бланш Росс.

Взглянув на график отпусков, висевший в его кабинете, Клод обрадовался, что владелец «Клариджа» месье Маркэ уехал по делам на две недели. Теперь он мог легко подстроить свое расписание под Бланш. Бурный роман уже расписан по нотам: ужин на Монмартре, прогулка вдоль Сены, обед в саду Пале-Рояля, пикник в Булонском лесу. Он купит ей маленькую картину в одном из киосков возле собора Парижской Богоматери – это всегда производило впечатление.

Каждый день в ее комнате будут свежие цветы с цветочного рынка на острове Сите, где у Клода был счет. И репутация.

А в конце недели: прощайте, мадемуазель Росс!

И снова его сердце издало странный звук – что это было? Клод приложил пальцы к запястью и вздохнул, щупая пульс. Принять антацид? Может, он съел за обедом что-то несвежее?

Пожав плечами, он поднял телефонную трубку, чтобы позвонить в очаровательный маленький ресторанчик на Монмартре.

Ресторанчик, славившийся своим благоразумием.

Глава 3

Бланш

Июнь 1940 года

Бланш отворачивается от зеркала. Она чувствует отвращение к самой себе – из-за грязи, въевшейся в лицо, грязи в волосах (и темных корней длиной в несколько сантиметров), глаз, покрасневших от паровозного дыма, пятен на одежде, порванного чулка и сломанного каблука. Как бы ей ни хотелось пить, она сначала набирает ванну, достает из чемодана коктейльное платье Скиапарелли и вешает его рядом с горячей водой, чтобы отпарить. Она знает, что могла бы позвонить и попросить погладить платье (черт возьми, здесь, в «Ритце», она могла бы позвонить и попросить купить ей новое!), но хочет как можно скорее сбросить грязную кожу беженки и снова стать собой, стать хозяйкой «Ритца».

Она убирает всю косметику с туалетного столика, выстраивает в ряд баночки и горшочки, опустевшие за месяцы ее отсутствия. Нужно спуститься вниз, чтобы проверить, хранятся ли какие-то из ее (настоящих) драгоценностей в маленьком сейфе в кабинете Клода. Потом Бланш вспоминает, что это уже не его кабинет. Поэтому ее драгоценностей, наверное, больше нет.

Такова жизнь.

После ванны, которую мадам Аузелло принимает не так долго, как ей хотелось бы, но достаточно, чтобы смыть верхний слой грязи, она одевается, распыляет остатки духов за ушами и достает пару туфель.

Пару атласных туфель на заказ от «Хеллштерн и сыновья»; за все время пребывания в Ниме Бланш ни разу не надела их – господи, о чем она только думала, собирая вещи! Как будто ехала на светский раут, а не сопровождала мужа-солдата в маленький гарнизон в глуши! Туфли чудесного яблочно-зеленого оттенка; Бланш просовывает в них усталые, опухшие ноги и вздыхает. Она помнит, как Клод впервые повел ее снимать мерку для обуви в магазин и как она была взволнована, увидев деревянную туфлю с надписью «Мадам Аузелло».

Это первая вещь, которой была присвоена ее новая французская фамилия. Первая покупка, которую Бланш с гордостью попросила записать на счет месье Аузелло. Она чувствовала себя такой европейской, такой утонченной, даже эмансипированной. На самом деле, как ей еще предстояло узнать, все было иначе... Но в тот день, когда на счет ее мужа-парижанина записали заказные туфли, Бланш почувствовала себя бунтаркой. Дома младшая незамужняя дочь немолодых родителей была вынуждена довольствоваться ежегодной поездкой в «Лорд энд Тейлор», чтобы пополнить свой скромный гардероб. Во всяком случае, пока она не станет кинозвездой...

Этого так и не случилось. Но погоня за славой привела ее в Париж, к Клоду, к счету в «Хеллштерн и сыновья». Когда Бланш в первый раз надела туфли, сделанные на заказ, она заставила Клода пригласить ее на танцы на Монмартр – что он сделал неохотно. Там ей удалось почувствовать себя настоящей парижанкой, совершенно другим человеком! Настоящей мадам Аузелло.

Когда-то стать мадам Аузелло было ее мечтой. Потом мечта стала явью.

Иногда Бланш задается вопросом, какой была бы ее жизнь, если бы она не позволила какому-то напыщенному французишке ходить за собой по пятам в ту первую парижскую неделю. Он читал ей лекции и вдавался в подробные объяснения, а потом, в самый неожиданный момент, брал за руку и целовал с гораздо большей страстью, чем позволяли заподозрить его аккуратные усики. Он покупал ей охапки роз и романтические картины с видами Сены, показывал достопримечательности, которых не было ни в одной туристической брошюре, –

например, маленькое сердечко, много веков назад выложенное каменщиком в честь возлюбленной на дороге перед Домом инвалидов. Что бы стало с Бланш, если, показывая эти личные маленькие уголки Парижа, он бы не открыл ей свое удивительно нежное сердце?

Она не собиралась к Клоду Аузелло, когда паковала чемоданы, весело прощалась с убитыми горем родителями и поднималась по трапу корабля, направлявшегося во Францию из нью-йоркской гавани. Нет, она ехала не к Клоду Аузелло, а совсем к другому человеку.

И уж точно она не собиралась в «Ритц».

Теперь она разглядывает свою ногу, обтянутую чистым атласом, и думает: «Я чистая, я модная, я дома». Давным-давно «Ритц» и Бланш заключили сделку.

Она будет хорошо себя вести в его позолоченных стенах – вести себя как настоящая леди; она окажет честь своему мужу, станет для него ценным приобретением. А взамен?

Эти позолоченные стены защитят ее – возможно, даже от нее самой. Потому что в «Ритце» не может случиться ничего плохого; он создан для удовлетворения любой прихоти, какой бы нелепой она ни казалась. Не хотите ли понюхать свежий букет, пока будете купаться в огромной ванне с золотыми кранами? В «Ритце» это устроят. Хотите, чтобы ваша собака гуляла, пока вы пьете чай во дворике с пальмами, а ее еда – приготовленная тем же шеф-поваром, что и ваша, – лежала на атласной подушке у ваших ног? В «Ритце» это устроят. Муж изменил вам вчера, и вы хотите отомстить, но на примете нет ни одного подходящего молодого человека?

В «Ритце» и это устроят.

А еще тут умеют молчать. Впрочем, секреты есть не только у богатых; самая бедная горничная по неосмотрительности может потерять больше всех. Но это не имеет значения, потому что, как только вы входите в «Ритц», вы дышите свободнее и балуете себя так, как не стали бы баловать в другом месте. Потому что в «Ритце» вы будете в безопасности – у вас нет другого выбора, кроме как поверить в это.

Но что будет теперь? Теперь, когда знаменитую парадную дверь отеля охраняет не швейцар в цилиндре и черном пальто, а нацистский солдат?

Бланш вздрагивает, потом хватается за сумочку и идет искать мужчину, который предложит ей выпить.

«Ритц» может обеспечить и это.

Глава 4

Клод

1923 год

Прекрасный принц разбудил очаровательную девушку поцелуем...

– Отведи меня в этот «Ритц», о котором ты все время твердишь, Клод, – подразнила она, щекоча его шею, но тут же стала серьезной. – Что ты собирался спросить? Спрашивай!

Клод покорила очаровательную американку. Завоевал ее за великолепную неделю, которую впервые в жизни хотел бы продлить. Отбил ее у взбешенного египетского принца, который, очевидно, никогда бы не женился на этой женщине, а только погубил ее, сделав одной из наложниц в гареме.

Поэтому Клод спросил, и Бланш согласилась. Их жизни, соединившись, изменились навсегда. «К лучшему», – подумал он тогда. Бланш была наградой – прекрасная девушка, которую он спас из лап египетского деспота. Это было так эффектно! Самый спонтанный, самый романтический поступок, который он совершил в своей жизни Клод. Совершенно не в его характере. Он и сам это понимал и был, пожалуй, слишком горд собой, чтобы думать о чем-то более отдаленном, чем миг победы. Слишком опьянен собственным героизмом, чтобы размышлять о том, как эти двое – американская эмансипе и парижский отельер – будут жить долго и счастливо.

Но она принесла ему удачу, по крайней мере в самом начале. В тот день, когда в отеле «Ритц» Клод упал на колени и сделал Бланш предложение – его лицо еще пылало от торжества по поводу спасения несчастной девицы, – его вызвали в апартаменты Марии-Луизы Ритц и предложили должность помощника управляющего.

Последнее, что прошептала ему перед уходом свежеспеченная невеста, было: «Попроси сделать тебя управляющим! Ты никакой не помощник, Клод Аузелло».

В самом деле, разве события последних двадцати четырех часов не доказали это? Ободренный ее американской уверенностью, он сделал так, как сказала Бланш. И был одавлен удивленной улыбкой пухленькой мадам Ритц, которая согласилась. А потом попросила вывести ее собак на прогулку, что Клод, естественно, исполнил без возражений.

За что был вознагражден задорной улыбкой своей американской невесты, которая сочла это очень забавным. Клод не знал почему. Но, постоянно изучая человеческое поведение (Клод гордился своим интересом к людям), он был полон решимости выяснить это.

Шли недели и месяцы, и он узнал много нового о девушке, которая чудесным образом стала его женой. Много такого, что не было заметно в триумфальный день, когда влюбленные пришли в Отель-де-Виль с разрешением на брак и свидетелями – месье Реноденом из «Клариджа» и несчастной подругой Бланш, Перл Уайт, – дрожащими голосами произнесли клятвы, были объявлены законными супругами и вернулись в отель «Кларидж» на шумный свадебный завтрак. К ним нагрянули друзья Бланш и Перл из киноиндустрии; было много алкоголя, рискованных шуток и смеха; потом Аузелло проводили на вокзал, где ослепленная счастьем пара села на поезд до побережья – там им предстояло провести медовый месяц и посетить родителей Клода. На вокзале театральные дебоширы устроили настоящее представление; везде валялись бутылки шампанского. Перл даже потребовала разбить одну из них о борт поезда, чтобы окрестить его. Клод вздохнул с облегчением, когда они с Бланш наконец-то сели в вагон, а ее друзья, шатаясь, ушли – настолько пьяные, что оставалось только молиться, чтобы никто из них не упал под приближающийся поезд.

Устроившись в купе, Клод сразу узнал кое-что новое о своей Бланшетте (ласковое прозвище, которое он дал жене).

– Теперь, когда мы поженились, я поступлю так же, как Наполеон поступил с Жозефиной, – спокойно сказал он, радуясь, что остался наедине с женой. – Я буду настаивать на том, чтобы ты перестала общаться с друзьями. Они не соответствуют твоему положению, тем более что я собираюсь работать в «Ритце». Ты слишком хороша для них, Бланш.

– Ты... что? – Она моргнула и так крепко сжала букет орхидей, который он подарил, что Клоду показалось, будто цветы вот-вот оторвутся от стеблей.

– Я настаиваю, чтобы ты бросила своих друзей, Бланш. – Клод не понимал, почему ему приходится повторять; кажется, она не была слабослышащей.

– Хммм... – Она потянулась за косметичкой и стала подкрашивать лицо пудрой и румянами.

– И еще кое-что, – продолжал Клод, радуясь возможности все обстоятельно объяснить американской невесте, которая, возможно, не совсем понимала, как вести себя в роли жены (Клод не представлял, как это происходит в Америке). – Я не хочу, чтобы ты так сильно красилась. Я понимаю, что это необходимо для твоей профессии, но в реальной жизни это лишнее. И, дай бог, для профессии – тихо добавил Клод, – это тоже скоро не понадобится.

За время их помолвки она снялась в одном французском фильме. В романтическом фильме, где Бланш должна была заниматься любовью с другим актером. Клод смотрел этот фильм, наверное, раз двадцать, каждый раз багровея от бессилия и ярости при виде того, как его невесту – теперь уже жену – целует другой мужчина. Но Бланш должен был признать Клод, оказалась не очень хорошей актрисой. Конечно, рано или поздно об этом узнают все – это только вопрос времени.

– Тебе это не нужно, Бланш, – продолжал он, наслаждаясь ролью мужа, сначала спасителя, а теперь еще и защитника этого очаровательного создания. – Ты настоящая красавица, и к тому же теперь замужем.

– И что это значит, Хло?

Клод поморщился. Бланш тоже дала ему прозвище. В пылу страсти он рассказал ей романтическую (как ему казалось) историю о том, что при первой встрече его сердце издало странный звук – что-то вроде хлопка. К несчастью, невеста Клода сочла это забавным, а не романтическим и, казалось, получала огромное удовольствие, называя его этим неприятным прозвищем.

– Это значит, что ты моя жена и будешь делать то, что я скажу, – Клод все же улыбнулся. Наверное, она шутит?

– Я буду делать то, что ты скажешь?

– Во Франции так принято. Я понятия не имею, как ведут себя супружеские пары в Америке, но ты находишься во Франции.

– Пока что, – сказала она напряженным тоном.

– В смысле?

– Я и не подозревала, что выхожу замуж за пещерного человека. Я думала, что выхожу замуж за джентльмена, который уважает меня, в отличие от какого-то египетского принца.

– Конечно! – Клод не понял, что она имела в виду. Может, это языковой барьер?

– Тогда перестань вести себя как неандерталец.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты бросила этих странных друзей и перестала краситься.

Поезд несся по сельской местности в окрестностях Парижа: зеленые холмы, маленькие фермы с соломенными крышами, всюду пасутся коровы.

– А я говорю – нет! Мне нравятся мои друзья. Мне нравится, как я выгляжу. Как и большинству мужчин.

– Теперь неважно, что думают о тебе другие мужчины. – Клод рассмеялся; она была так очаровательно невинна. – Ты замужем.

– Если ты думаешь, что я перестану беспокоиться о том, что думают обо мне другие мужчины, то ты еще более чокнутый, чем Джали.

– Не произноси больше имени этого человека! – Клода уже не забавлял их разговор.

– Я буду говорить все, что захочу, черт возьми! Джали, Джали, Джали, Джали!

А потом он сделал невероятную вещь. Клод Аузелло позволил своему темпераменту обладать над приличиями. Эта молодая женщина, его жена, подожгла фитиль неразорвавшейся бомбы, которая, видимо, осталась после войны и была спрятана глубоко внутри. За последние несколько недель она вызвала у Клода так много новых эмоций, что, пожалуй, ему не стоило удивляться, что сейчас Бланш привела его в ярость, какой он никогда не испытывал. И он стал рычать, как неандерталец, с которым его сравнила жена, схватил косметичку, открыл окно и выбросил ее из вагона.

Оба уставились в открытое окно, пораженные его поступком. Клод начал объяснять, но, прежде чем он успел закончить фразу, Бланш сделала еще более невероятную вещь.

Подбежала к окну и попыталась вылезти из него.

Он схватил ее за талию и втащил обратно в купе.

Они смотрели друг на друга, застыв в нелепых позах, тяжело дыша, пока поезд не замедлил ход и не подошел к станции.

Бланш вырвалась из его объятий, выскочила из купе и сошла с поезда прежде, чем Клод успел осознать, что она делает. Секунду назад была рядом, а теперь исчезла. Пытаясь понять, что происходит, он схватил первые попавшиеся под руку вещи и побежал за ней. Клод едва успел сойти с последней ступеньки, как поезд тронулся. Огибая испуганных прохожих, он добрался до противоположной платформы как раз вовремя, чтобы увидеть, как жена прыгает в поезд, идущий в другую сторону; поезд, направляющийся в Париж. Клод побежал за ней; в руках он держал кучу вещей и на каждом шагу что-то терял – в какой-то момент он понял, что ее тонкая ночная рубашка зацепилась за каблук его ботинка. Но было уже поздно; поезд умчался.

Черт!

Его ладони стали липкими, на воротнике выступили пятна от пота. С ворохом непонятных вещей в руках Клод опустился на скамейку и задумался. Бедняга снова и снова прокручивал в голове недавнюю сцену, как будто это был текст, который ему пришлось выучить, но смысл которого он не мог понять.

Сейчас он должен был уткнуться носом в шею новобрачной, пока на столе их дожидались холодная утка и еще более холодное шампанское (естественно, Клод обо всем позаботился перед отъездом; теперь он поморщился, представляя озадаченное лицо носильщика, вкатывающего тележку в пустое купе). Он должен был гладить ее, целовать, готовить к предстоящей ночи (они уже спали вместе, так что никаких сюрпризов не предвиделось, только страсть и приятная близость).

Вместо этого он в одиночестве сидел на вокзале в каком-то провинциальном городке и понятия не имел, когда отправляется следующий поезд в Париж. И где искать жену, когда он туда доберется.

Может быть, Клод совершил ошибку, так поспешно женившись на этой американке, какой бы очаровательной она ни была?

Наконец прибыл поезд, идущий на север. Клод сел в него и сразу отправился в вагон-ресторан, чтобы выпить. Первое, что он увидел, сойдя с поезда в Париже, была Бланш. Она сидела на скамейке со смятым свадебным букетом в руках и красными от слез глазами. Когда она подняла взгляд на него, то зарыдала еще сильнее. Его сердце снова бешено заколотилось, он заключил жену в объятия и забыл обо всем, что произошло в поезде.

Пока не сделал следующее открытие.

– У тебя впечатляющая коллекция, Хло! – сказала Бланш вскоре после того, как они вернулись из свадебного путешествия. Она бродила по кухне его холостяцкой квартиры, любуясь медными кастрюлями, аккуратно висящими на стене. – Как ты добиваешься такого блеска?

– Полирую, – ответил Клод с недоумением. – Уксусом с солью.

– О! – Она открыла ящик стола и ахнула. – Ножи... Так много! Зачем тебе столько?

– Потому что они разные. – Клод озадачился и уже начал беспокоиться. – Видишь, этот большой нож предназначен для нарезания кубиками, этот длинный – для разделки, этот зазубренный – для нарезания хлеба и так далее.

– О-о-о... – еще один легкий вздох удивления.

– Бланшетт, – сказал он, чувствуя под ложечкой тошноту, которую следовало бы принять за дурное предчувствие. – Разве ты... разве ты не умеешь готовить?

– Я? – Ее карие глаза широко раскрылись от удивления; она смотрела на мужа так, как будто он спросил, умеет ли она строить деревянные лодки, летать на самолете или танцевать балет. Потом она запрокинула голову и засмеялась гортанным, безудержным смехом. – Ну ты даешь, Клод! С чего ты взял, что я умею готовить? Конечно, не умею!

– Что значит «конечно»? – Он раздраженно захлопнул ящик, в очередной раз обманутый в своих ожиданиях. – Откуда же мне знать? Женщины готовят еду. Во Франции, во всяком случае.

– В Америке тоже, – призналась она, открывая другой шкаф, вынимая оттуда терку и рассматривая ее так, словно это был древнегреческий артефакт. – Большинство девочек учатся готовить и убираться в доме, даже если они достаточно богаты, чтобы нанять для этого специального человека. Нас с сестрами тоже так воспитывали – только я всегда находила предлог, чтобы улизнуть с урока. Я не собиралась учить эту чушь, знаешь ли! Я не была паинькой, Клод. – Она задорно посмотрела на него: глаза сверкают, сочные красные губы дразняще надулись. – Я и сейчас не такая!

– Да, но... – Клод разрывался между желанием утащить ее в спальню и отправить в «Кордон Блю» на уроки кулинарии. – Но как ты будешь готовить для меня?

Она пожала плечами:

– Думаю, готовить будешь ты, Клод. Или мы будем есть в ресторанах. Я слышала, в «Ритце» прекрасный повар! – И она снова засмеялась.

Клод не знал, что на это ответить; жизнь не готовила его к таким ситуациям. И он понес ее в спальню – а что еще мог сделать мужчина в этих обстоятельствах?

Потом он приготовил омлет из лисичек с луком-шалотом и чесноком, который она мгновенно проглотила; ему пришлось приготовить еще один для себя.

Какие еще открытия он сделал в те первые дни – пьянящие, страстные, волнующие, восхитительные первые дни своего брака с очаровательной американкой, которая так сильно изменила его жизнь, что Клод порой задавался вопросом, не ведьма ли эта женщина? Он узнал, что она бормочет во сне. Без колебаний пользуется его зубной щеткой. Выбрасывает шелковые чулки вместо того, чтобы штопать их. Любит бродить по улицам без цели и становится беспокойной, как ребенок, если ей приходится слишком долго сидеть на месте. Любит кошек, терпимо относится к собакам, обожает птиц – но только если их не держат в помещении. Было что-то в птицах, запертых в четырех стенах, что пугало ее.

Еще Клод обнаружил, что у нее маленькие ступни, которыми она очень гордится. И что подъемы ее восхитительных ног очень чувствительны к щекотке. Но иногда ей хотелось, чтобы он пощекотал их.

Клод понял, что она хочет продолжить карьеру в кино. Иногда по вечерам, когда он, измученный, возвращался из «Ритца», его маленькая квартира была переполнена ее неподходящими друзьями – Перл Уайт и другими актерами, которые курили, пили и болтали о «деко-

рациях», «дублерах» и «проклятых режиссерах». Грубые люди, все до единого! Их дружба удивляла Клода, потому что он до сих пор считал свою Бланшетту сказочной принцессой.

Клод узнал и еще кое-что.

Он узнал, что его Бланш любит «Ритц» не меньше, чем он сам.

Глава 5

Бланш

Июнь 1940 года

– Почему мы делаем это, Перл? – Бланш помнит, как в 1923 году, сразу после того, как забавный Клод Аузелло попрощался с ней, договорившись об ужине вечером, она задала этот вопрос подруге. У нее в кармане лежала телеграмма от Джали, извещавшая, что он задерживается на неделю. – Почему мы влюбляемся в мужчин, которые говорят красивые слова только для того, чтобы затащить нас в постель? Которые заставляют нас пересечь океан даже без контракта, не говоря уже об обручальном кольце?!

Если она поедет с ним в Европу, он сделает ее кинозвездой в Египте, – обещал ее прекрасный принц, ее возлюбленный. Она станет такой же роскошной и величественной, как Клеопатра; у нее будет собственный катер на Ниле. Он женится на ней... Но нет, он никогда не обещал этого; во всяком случае, так многословно.

– Потому что мы сентиментальные дуры! Мы – женщины в мужском мире. И мы достаточно глупы, чтобы верить, что сможем забыть об этом, если найдем «того самого».

– Но я люблю Джали! Правда! Я просто сумасшедшая...

– Забудь о Джали. Сходи куда-нибудь с этим Аузелло – он чуть из штанов не выпрыгнул при виде тебя! Развлекись, малыш. Как следует развлекись!

– Но Джали хотел показать мне Париж. – Бланш сняла с языка табачную крошку и стряхнула пепел в черную пепельницу с выпуклой позолоченной надписью «Отель Кларидж».

– Джали здесь нет. Думаешь, окажется он на твоём месте, он стал бы кого-то ждать?

Бланш невольно рассмеялась при мысли о том, что Джали ждет ее или какую-то другую женщину. Если мир и впрямь принадлежал мужчинам, то принц Джали Леден жил в Эдемском саду; женщин отправляли туда, чтобы преподносить ему яблоки – желательно между грудей.

Но Бланш все равно поехала за ним в Париж, разбив сердца родителей и бросив все, что знала, чем дорожила. Просто потому, что она – дерзкая эмансипированная красотка, девушка в стиле джаз – еще не знала, что делать с любовью. И решила следовать зову своего сердца.

К удивлению Бланш, это привело ее вовсе не в Египет.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, ГОСПОЖА ОТЕЛЯ «РИТЦ»!

Застыв на верхней ступеньке лестницы, Бланш улыбается и кланяется толпе, которая смотрит на нее снизу вверх. Потом невольно смеется.

Этот шуточный титул, который мог бы присудить себе ребенок, на самом деле придумал Клод. Он сделал это из раздражения. Слишком устал от того, что жена вмешивалась в его дела, злился, что она пила, завидовал ее умению заводить друзей. Когда в конце длинного дня, который для него еще не закончился, он увидел, как она ужинает бутербродами с шампанским в компании прислуги, то презрительно поджал губы и называл жену госпожой отеля «Ритц». Это вовсе не было комплиментом...

Но Бланш приняла свой новый титул как должное.

После семнадцати лет брака, даже с парнем, который чуть не выпрыгнул из штанов, когда увидел тебя впервые, комплименты редки, а обиды привычны, как герань весной. Молодой человек, который так пылко ухаживал за ней, боролся за нее, даже бросил вызов египетскому принцу, превратился в обычного мужа. Но она не может винить его за это, потому что и сама превратилась в самую обычную жену.

Только «Ритц» заставляет Бланш забыть об этом, когда ее подданные, как сейчас, склоняются перед ней; когда она – свежая и, как изысканный подарок, завернутая в дорогое платье, в своих идеальных туфлях, – спускается по лестнице в маленький вестибюль, выходящий на улицу Камбон. Ее со слезами на глазах обнимают горничные: «Ах, мадам Бланш, мы так боялись за вас!» Одна из них тянет мадам Аузелло за рукав, поворачивает к ней бледное лицо с огромными карими глазами, ввалившимися от бессонницы, и шепчет: «Мадам, я знаю, что вы... Мы слышали, понимаете... Мне говорили, что вы когда-то поменяли...»

Бланш качает головой и прижимает палец к губам; ее сердце начинает бешено колотиться. Она только что заметила внизу немецкого солдата; он стоит на страже у входа в длинный коридор, соединяющий два крыла отеля «Ритц». Наклонившись, чтобы поцеловать девушку в щеку, она шепчет: «Приходи ко мне сегодня вечером, после десяти. Одна». Та задыхается, почти всхлипывает, но все-таки берет себя в руки.

Бланш продолжает спускаться по лестнице; коридорные хватают ее руку своими грубыми перчатками и трясут так, что она чуть не выскакивает из сустава: «Мадам Аузелло, вы дома! С Божьей помощью теперь все снова пойдет на лад!».

– Как дела, ребята? – спрашивает она. Пока посыльные подробно и живо описывают, как обстоят дела, Бланш смеется так сильно, что складывается пополам и кладет руку на ноющие ребра. Она понимает, что реагирует слишком эмоционально: слишком много смеется, слишком широко улыбается. Но иначе нельзя. Потому что иначе она разрыдается. Так много любимых лиц пропало; особенно пострадал мужской персонал... В ее силах только молиться, чтобы исчезнувшие молодые люди вернулись после освобождения, а не сгинули в немецких лагерях для военнопленных.

Потом открывается дверь, и наступает тишина: больше никакого смеха, никаких неприличных историй. Коридорные и горничные отступают к перилам лестницы и стенам вестибюля, потупив глаза. Они стоят по стойке смирно, боясь пошевелиться.

Потому что это она. Мадемуазель.

Эта стерва Коко Шанель.

Она входит с улицы и, увидев, что происходит в вестибюле, останавливается. Прищурившись, смотрит на Бланш. Картинно раздувая ноздри, Шанель с нескрываемым отвращением, даже ненавистью разглядывает платье Скиапарелли – эффектный принт: гигантские розовые фламинго на ярко-зеленом фоне.

– Привет, Бланш. Я вижу, вы хорошо провели время, – мурлычет она, доставая из сумочки сигарету и властно протягивая ее ближайшему посыльному, который зажигает ее дрожащей рукой. – Ты похудела, дорогая. Возможно, скоро тебе не придется носить мусор: ты сможешь влезть в мою одежду.

Шанель, разумеется, одета в одно из своих творений: черное платье из джерси, задрапированное так элегантно, что Бланш влюбляется в него с первого взгляда. Эта женщина знает, как сшить платье; это уж точно.

– Я тоже рада тебя видеть, Коко, дорогая. – Она улыбается, зная, что Шанель терпеть не может, когда ее называют Коко, а не «мадемуазель». – Ты ничуть не изменилась. Вижу, палка все еще торчит из твоей костлявой задницы.

Воцаряется тишина; перед тем как поклониться, женщины-соперницы оценивают друг друга. Когда Коко начинает подниматься по лестнице, та самая палка делает ее спину прямой и неподатливой, как кирпичная стена.

Подойдя к Бланш, она снова останавливается, выдыхает сигаретный дым в нескольких сантиметрах от ее лица и что-то бормочет себе под нос. Всего одно слово, один слог – и она уходит, исчезает наверху. А Бланш застывает в нерешительности. Коко действительно сказала то, о чем она подумала?

Кто-нибудь еще слышал это?

Кажется, нет. Коридорные и горничные выходят из оцепенения; теперь они смеются, подмигивая мадам Аузелло. Один из коридорных поднимает ее руку, как будто она только что выиграла боксерский поединок. Поэтому госпожа отеля «Ритц» расслабляется. Пока что. И старается наслаждаться моментом, понимая – мурашки по коже от ощущения, что она редкий экземпляр, выставленный на всеобщее обозрение в стеклянной витрине, – что немецкие солдаты тоже наблюдают. Прислушиваются.

Но сейчас это не имеет значения.

Слава богу, госпожа вернулась.

Глава 6

Клод

1924 год

И привел ее в свой волшебный замок...

– Клод, – сказала она через несколько месяцев после свадьбы, – если ты собираешься проводить дни напролет с моим соперником, то имей в виду: я не оставлю вас наедине.

– О чем ты? – Клод занервничал; еще одна вещь, которую он узнал о своей Бланшетте, заключалась в том, что он никогда не узнает все о своей Бланшетте.

– Я хочу сказать, что тоже буду приезжать в «Ритц». Это лучшее шоу в городе! Все эти маленькие драмы, социальные лифты, показы мод! Это место – твоя жизнь, а я хочу быть частью твоей жизни. Значит, я буду проводить время в «Ритце», когда не работаю.

– Да? – Она имела в виду, что будет сидеть в его маленьком кабинете весь день? Следить за ним, когда он совершает регулярный обход?

– Да. Я планирую узнать «Ритц» так же хорошо, как ты, и понять, почему ты любишь его так же сильно, как меня.

Клод сглотнул, но улыбнулся. Потому что, по правде говоря, ему было приятно, что Бланш разделяет его страсть и хочет больше узнать о его мире. Он испытывал легкие угрызения совести из-за того, что, со своей стороны не разделял ее страсть к кино, но без труда отмахивался от них. В конце концов, он муж, кормилец семьи; у мужчин бывает карьера, а у женщин – просто хобби.

А еще Клод знал, что для сказочной принцессы не придумаешь лучшей обстановки. Все логично! Зачем же он спас ее, если не для того, чтобы приютить в «Ритце»?

И вот они вступили в новую фазу семейной жизни; в некотором смысле это была любовь втроем: «Ритц», Бланшетта и Клод.

По утрам он уходит из их маленькой квартирki – она уже намекала, что им надо снять другую, побольше, в более фешенебельном районе, «как подобает нашему положению», – раньше, чем она. Он целует ее в лоб, потом едет на метро до станции «Лувр», а оттуда идет несколько кварталов пешком до Вандомской площади. Он всегда ныряет на улицу Камбон, чтобы войти через служебный вход. Здесь Клод должен убедиться, что все уже доставлено: свежие овощи, цветы с рынка, чистое постельное белье, рыба и мясо.

Потом Клод удаляется в свой маленький кабинет напротив гостевого лифта, где пьет кофе с круассаном, всегда свежим и маслянистым, и просматривает расписание на день. В «Ритце» все время устраивают торжественные обеды и банкеты – как для гостей, так и для парижан, которые понимают, что в городе нет места роскошнее. Теперь, когда Великая война разрушила так много хрупких империй, европейские королевские семьи бродят по земле, как динозавры. И многие из них неуклюже вламываются в «Ритц».

Каждый день недавно обнищавший герцог или герцогиня, барон или баронесса властно звонили в колокольчик у конторки, желая заселиться в апартаменты, которые занимали во времена своей славы. Работа Клода состояла в том, чтобы мягко уговорить их остановиться на чем-то более разумном – на чем-то, за что они могли спокойно расплатиться, вместо того чтобы сбегать из отеля рано утром, не оплатив счет. При этом он не переставал кланяться, льстить и поддерживать уверенность гостей в их величии.

Кроме того, в «Ритц» каждый день приезжали красивые американские девушки, дочери нуворишей, в погоне за титулами. Ведь здесь было много холостых герцогов и баронов.

А еще были мамы и папы этих красоток, владельцы универмагов и золотых приисков, впервые приехавшие во Францию и остановившиеся в отеле «Ритц», потому что «все говорят, что это самое подходящее место для отдыха в Париже. Кстати, меня зовут Джордж. А тебя?». Клод поджимал губы, прежде чем согласиться, что это подходящее место для отдыха, и просил кого-нибудь показать американским гостям апартаменты, которые раньше занимали герцоги и герцогини. Естественно, молодой управляющий был в восторге от того, что у этих американцев куча денег, которыми они сорят в баре и ресторане, да еще раздают чаевые, от которых у посыльных лезут глаза на лоб. И все же он не мог подавить легкую грусть от того, что не застал «Ритц» в дни его славы. В те времена, когда Сезар Ритц был еще жив – каждый день Клод безмолвно молился его огромному портрету, висевшему в главном зале, – в те времена, когда здесь жили король Эдуард VII, Романовы и Габсбурги. Тогда все они еще царствовали, и забитый медалями, диадемами и золотыми военными галунами «Ритц», должно быть, наполнил посольство.

Но не стоит слишком тосковать по прошлому, особенно если оно не ваше. Клоду очень нравился «Ритц», в управлении которым он проявлял все большую самостоятельность. Он работал всегда. Даже ночью.

– Ты понимаешь, что большинство этих полуночных призывов исходит от баб? – спросила Бланш как-то вечером, когда зазвонил телефон и в трубке послышался низкий голос герцогини де Талейран-Перигор. Она хотела поговорить с «месье Клодом из „Ритца“».

Герцогиня остановилась в очень дорогом люксе, пока подыскивала себе дом в Париже.

– Клод, – задыхаясь, призналась она ему однажды, вернувшись в «Ритц» после прогулки с пуделем по Вандомской площади, – у меня предчувствие. – Она хлопала ресницами и тяжело дышала, как будто за ней гнался призрак; грудь ее соблазнительно вздымалась.

– Какое, мадам?

– Я всегда это знала. Я всегда знала, что меня убьют в отеле! – Она вздрогнула, и ее грудь всколыхнулась.

– О, мадам, нет! Вы, конечно, ошибаетесь!

– Нет, Клод! А если не ошибаюсь?

С этого момента она развеивала свои опасения, регулярно вызывая Клода в номер, чтобы проверить, нет ли там незваных гостей, а теперь еще и названивая ему домой: «Клод, вы должны немедленно приехать. Вы должны спасти меня – я так боюсь!» Естественно, Клод собрался ехать в «Ритц», хотя было уже за полночь.

– Я должен. Это один из наших самых важных гостей. Моя работа – следить за тем, чтобы она была довольна, – объяснил он, завязывая шнурки. До этого он умылся, почистил зубы и побрызгал одеколоном на свежий носовой платок.

– Конечно, – ответила Бланш с пугающим спокойствием.

Спеша в «Ритц» по ночным улицам, Клод испытывал смутное беспокойство. Почему Бланш не швырялась в него вазами и туфлями, когда он уходил?

На следующий день он все понял.

– Я тут подумала... – сказала Бланш, когда они завтракали на кухне отеля. Кухня не была светлым и просторным местом, так как находилась под землей. Но нержавеющая сталь, сверкающая плитка, теплые медные кастрюли и миски, хрустящие белые колпаки и фартуки поваров, благоухание свежее испеченного хлеба и запахи пряных трав или кипящего в оливковом масле чеснока, соперничающие с ванильным ароматом пирожных, создавали здесь приятную радостную атмосферу.

– О чем ты думала, Бланш? – Клод сделал знак, чтобы ему принесли еще кофе; он провел полночи с герцогиней и сомневался, что сможет и дальше противостоять ее настойчивым чарам, не обидев даму.

– Я думала о твоей ночной работе. Твоих бессонных ночах. – Она испытующе посмотрела на него, и Клод ответил ей невинным взглядом. – У нас должны быть номера здесь, в «Ритце». Ты согласен? Так ты сможешь позаботиться о своих очень важных гостях, но тебе не придется бродить по темным улицам. И не придется беспокоиться обо мне, когда я остаюсь одна в квартире. Так поздно ночью.

Клод хотел заверить жену, что совсем не беспокоится о ней; он уже понял, что она вовсе не та несчастная девица, какой он ее считал. Честно говоря, он больше беспокоился о горе-грабителях – у Бланш был прекрасный хук справа... Но такие заверения явно были не в интересах Клода.

– Не знаю, Бланш...

– Спроси у мадам Ритц. Скажи ей, что так ты сможешь выполнять свои... обязанности... более своевременно.

– Я спрошу, – согласился Клод. Он знал, что с Бланш бесполезно спорить, если она вбила себе что-то в голову.

Так что Клод спросил. Мадам Ритц, которая кормила одного из своих брюссельских грифов печенью, только что нарезанной шеф-поваром «Ритца», с серебряной вилки, пронзительно посмотрела на него.

– Клод, вы прекрасный сотрудник. Я благодарна вам за все, что вы делаете для меня и месье Рея; вы исполняете так много его обязанностей, пока он болеет. Я предоставлю вам две комнаты в крыле, выходящем на улицу Камбон. Это устроит вашу жену?

– Мадам, это не имеет к ней никакого отношения, – сухо ответил Клод. – Мою жену устроит то, что я ей скажу.

Мадам Ритц очень мудро улыбнулась и ничего не сказала. Когда Клод повернулся, чтобы уйти, он подумал, что порой женщины становятся источником проблем, а не наслаждений.

Но только порой.

Бланш была в восторге от смежных комнат, которые они превратили в люкс, обставив его дополнительной мебелью и перенеся из кладовки на чердаке ковры. Номера выходили окнами на узкую улицу Камбон; попасть в них можно было, поднявшись по лестнице из небольшого вестибюля, который примыкал к бару и дамскому салону. Бланш перенесла в люкс большую часть своей одежды и несколько картин. Вскоре оказалось, что Аузелло проводят здесь больше времени, чем в собственной квартире. Это было очень умное решение, с печальным восхищением думал Клод.

Теперь Бланш никогда не придется готовить.

В «Ритце» у Бланш были любимые места. Например, диван в большом холле, с которого открывался прекрасный вид на лестницу – местный подиум, по которому дефилировали королевские особы, киноактрисы и жены миллионеров, стараясь перешеголять друг друга пышностью платьев, размером и количеством драгоценностей, висевших на шее и пальцах. В «Ритце» их привлекала не только роскошь, но и возможность быть замеченными, стать темой для сплетен или попасть в объективы фотокамер. Снаружи, на Вандомской площади всегда толпились журналисты, работа которых заключалась в том, чтобы писать о богатых и знаменитых.

Еще у Бланш было специальное кресло в дамском салоне, где она играла в бридж с обделенным вниманием женами миллионеров, попутно собирая сведения, которые могли пригодиться кому-то из ее бедных друзей. Она узнавала о матери семейства из Огайо, нуждающейся в горничной, или о герцогине, ищущей попутчицу, и... вуаля! Некоторые из киношных друзей Бланш получали неплохую работу.

Раз в неделю Бланш пила чай с самой мадам Ритц, которая наслаждалась ее болтовней и отменным чувством юмора. Со временем Клод начал ценить усилия Бланш; жена приносила пользу его карьере. Благодаря играм в бридж и расширяющемуся кругу друзей, как богатых,

так и бедных, она привлекала в «Ритц» новых клиентов, убеждая людей устраивать вечеринки здесь, а не дома, как это было до войны. Она даже подружилась с Барбарой Хаттон, застенчивой наследницей огромного состояния, которая, возможно, не сделала бы императорские апартаменты своей официальной парижской резиденцией, если бы не приятное общество Бланш.

Его жена стала таким ценным приобретением, что Клод смог немного расслабиться. Его брак во многом отличался от брака его друзей: большинство мужчин уходили от своих жен утром и возвращались только вечером, в то время как Бланш и Клод были вместе почти постоянно. Их разговоры в постели всегда касались «Ритца», его служащих и гостей. Пока у пары не было детей, которые могли бы помешать таким беседам... Но кое в чем, решил он, его брак будет похож на брак его родителей и его друзей. Кое в чем очень важным. Очень французским.

Клоду еще предстояло узнать, как по-разному французы и американцы оценивают некоторые ситуации.

И американская жена никогда не стеснялась продемонстрировать ему, как она относится к этим различиям.

Глава 7

Бланш

Весна 1941 года

Где Лили?

Столько людей исчезло в хаосе оккупации... Женщина, которая делала Бланш прическу; маленькая старушка, у которой она всегда покупала кружева (витрина ее магазина была заставлена фигурками кошек); целая семья, которая жила в особняке рядом с «Ритцем». Официанты, горничные, повара. Кладовщик. Парфюмер. Прогуливаясь по улицам, Бланш невольно замечает витрины с выбитыми стеклами и мусор, скопившийся на тротуарах. Цветы, засыхающие на подоконниках. Запустение. Париж за пределами «Ритца» теперь выглядит заброшенным. Она всегда восхищалась тем, что каждый узенький переулок и внутренний дворик этого города казался готовым к визиту короля: цветы всегда цвели, ухоженные и политые; никакого мусора, никакой грязи; перила выкрашены в черный цвет и отполированы; булыжники мостовой вымыты так, что блестят.

Теперь в этих крошечных переулках и двориках царит атмосфера скорбного запустения. А население, судя по всему, сократилось наполовину; так, по крайней мере, кажется Бланш.

Хотя... нет, не сократилось. Ведь на место пропавших парижан пришли Гансы, Фрицы и Клаусы в униформе цвета фасоли. И они, кажется, даже не замечают, что их широкие немецкие задницы занимают чужие кресла в кафе, чужие места на экскурсионных катерах и в ресторанах, включая ресторан «Ритца».

Первые недели оккупации пролетели быстро; за это время парижане успели освоить новые правила игры. Сначала они неуклюже спотыкались и моргали, с недоверием всматриваясь в этот странный мир, куда, как и всех новорожденных, их втокнули так стремительно и грубо. А потом научились не вступать с немцами в зрительный контакт и отвечать осторожной улыбкой, когда те смотрели на них. Научились молчать, пока к ним не обратятся. Научились не впадать в ступор при виде немецких солдат, радостно скупающих товары, которые невозможно достать (если только вы не живете в «Ритце»), в то время как простым горожанам приходилось стоять в длинных очередях, чтобы получить паршивую буханку хлеба.

О, на первый взгляд жизнь здесь, в «Ритце», идет как обычно: роскошь и изобилие, изысканные манеры, праздные и не очень праздные разговоры. Но все не так, как обычно, все совсем не так... Да, утренняя газета Бланш по-прежнему разглажена и сложена так, что о ее острые края можно порезаться; газету кладут на серебряный поднос и преподносят вместе с одной розой в вазе. Но сама газета – это немецкая пропаганда, замаскированная под новости, с заголовками, кричащими о победах Германии в Северной Африке, и фотографиями жизнерадостного Гитлера, якобы случайно сделанными в его замке в Альпах. На них фюрер словно позирует для журнала мод. На следующей странице публике услужливо предлагают его любимый рецепт штруделя.

Правда, в «Ритце» по-прежнему всюду растут цветы (похоже, навоз и грязь – единственное, что в наши дни не реквизируют на нужды немецкой армии), но их пышные лепестки и влажные стебли не могут скрыть нацистские флаги. Тихая камерная музыка, всегда звучащая в отеле, не может заглушить резкие немецкие голоса.

Разве что в баре... Бар – это пульсирующее сердце отеля «Ритц». А Фрэнк Мейер – его главная артерия.

Фрэнк был одним из первых, с кем познакомилась Бланш, когда Клод представил ее – зардевшуюся от смущения невесту – своим новым коллегам в далеком 1923 году. Их неожи-

данная помолвка совпала с тем, что Клод получил работу своей мечты – стал управляющим парижского отеля «Ритц». И когда Клод привел ее сюда, гордый, как индюк, – хотя, честно говоря, она не знала да и до сих пор не знает, чем он больше гордился: своей невестой или отелем, – Фрэнк был там, где всегда, где и должен был быть: за полированной эбонитовой стойкой бара, с шейкером в громадной лапе.

Фрэнк Мейер похож на грузчика: рубленые черты лица, огромные руки, короткая толстая шея. Его волосы всегда как следует смазаны маслом и разделены посередине пробором. За стойкой бара, готовя невероятные опьяняющие смеси, он чувствует себя как дома, но и за его пределами Фрэнк ведет себя так же непринужденно: приветствует своих любимых гостей, как лучших друзей, даже помогает отнести в номера их багаж.

Но Бланш знает истинную причину гостеприимства Фрэнка: этот парень держит игорный клуб за пределами отеля. Гораздо проще принимать ставки подальше от сплетников и пьяниц.

– Так ты и есть его нареченная, – сказал Фрэнк своим громовым голосом, целуя Бланш в щеку, когда Клод представил их друг другу. – Поздравляю! Могу я налить тебе шампанского?

– Можешь! Клянусь твоей сладкой задницей, можешь! – ответила Бланш; она была уже на полпути к бару, когда Клод и Фрэнк остановили ее.

– Ты не можешь войти туда, Бланшетт, – сказал Клод, строго качая головой.

– А почему бы и нет? – Она улыбнулась. Это ведь была просто шутка? «Ритц» уже успел соблазнить ее.

Как он соблазняет всех. Он ласково шепчет твое имя; он показывает тебе невероятные сокровища – гобелены со стен «Ритца» должны храниться в музее! Даже если у тебя нет ни гроша в кармане, он заставляет тебя верить, что, дыша одним воздухом с баронами и герцогами, кинозвездами и наследницами, которые летят по залам на крыльях удачи, ты становишься особенным. Но в тот день, когда Бланш сказали, что женщинам вход в бар запрещен, чары немного рассеялись.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Бланш. Ведь она только что прибыла из свободного Нью-Йорка, где эмансипированные девушки закатывали чулки, засовывали за подвязки фляжки с джином и стучались в двери кабаков. В Манхэттене не было ни одной забегаловки, куда бы не пускали женщин. В конце концов, они только что получили право голоса!

Но в Париже в 1923 году все было иначе. В 1923 году в Париже замужние женщины не могли открыть банковский счет и должны были отдавать все деньги мужьям. В 1923 году в Париже женщин – замужних или нет – не пускали в бар отеля «Ритц».

– Да, это так, – сказал ее жених, пожимая плечами (жест, который Бланш уже слишком хорошо знала). – Так было всегда. Дамы ждут в салоне. Фрэнк будет счастлив принести тебе туда бокал шампанского. Верно, Фрэнк?

Фрэнк – его внимательные глаза изучали лицо Бланш, проникая под маску макияжа, – кивнул.

В тот день – потому и только потому, что Бланш все еще хотела стать хорошей женой для своего галльского рыцаря в сверкающих доспехах, а он вот-вот должен был приступить к работе в этом отеле, – она позволила проводить себя в душный, маленький, обшитый деревянными панелями дамский салон, где матроны с тявкающими собаками сидели, потягивая чай или самое крепкое, то самое шампанское (со свежей розой в бокале), обсуждая новые платья. За платье от Вионне можно умереть! А вы видели платье молодой мадемуазель Шанель, которая живет ниже по улице? Они шокируют, просто шокируют!

С нетерпением дожидаясь шампанского (хотя на самом деле Бланш мечтала о мартини), она случайно подслушала разговор двух пышнотелых дам, сидевших неподалеку. Они были одеты в облегающие крепдешинового платья и до бровей закутаны в меха, но на ногах у них были очень скучные, очень практичные черные туфли на шнуровке. Они говорили по-немецки – на языке детства Бланш.

– Мне очень нравится «Ритц», – сказала одна из дам, снимая перчатки. – Я всегда останавливаюсь тут, когда бываю в Париже.

– Мне тоже тут нравится, – согласилась другая дама. Видимо, она предпочитала не снимать перчатки и не сделала этого, даже когда полезла в сумочку за маленькой коробкой шоколадных конфет, выбрала одну и протянула коробку своей спутнице.

– Евреев сюда, конечно, не пускают, – сказала та, что без перчаток. Потом она не очень изящно откусила кусочек шоколада.

– Думаю, евреев нет даже среди прислуги, – добавила та, что в перчатках (Бланш с удовольствием отметила, что на них появились полосы от шоколада), и принялась рыться в коробке, выбирая еще один кусочек. – А если и есть, то они точно не семиты.

– Это успокаивает... Чувствуешь себя в безопасности. Почти как дома.

– Этим и хорош «Ритц»! Он заставляет чувствовать себя как дома. Лучше, чем дома, – у меня в ванной нет позолоченных кранов.

– Жаль, в Германии нет такого места... Война разорила нас.

Потом они говорили о послевоенной экономике, о новой националистической партии и о каком-то парне по имени Гитлер, который, судя по всему, сидел в тюрьме. Но Бланш это не интересовало.

Когда она подняла глаза, то увидела рядом Фрэнка Мейера с бокалом шампанского на серебряном подносе и мрачным выражением на широком лице. Бланш подозревала, что он слышал разговор женщин. Видимо, Фрэнк тоже знал немецкий. Они долго смотрели друг на друга. Фрэнк протянул Бланш бокал и сказал с ласковым беспокойством, которое трудно было заподозрить в этом грубоватом на вид человеке: «Если вам что-нибудь понадобится, мадемуазель, – что угодно! – позовите меня».

Вскоре Бланш воспользовалась этим предложением.

Фрэнк стал ее союзником в борьбе за то, чтобы открыть бар для женщин. Решающим аргументом стала Великая депрессия. Пустые номера и свободные барные стулья не оставили мадам Ритц выбора: она открыла заповедные двери для Бланш и ее жаждущих сестер. Благодаря приятелям Бланш по бару: Эрнесту Хемингуэю, которого она знала еще бедным, голодным спутником Скотта Фицджеральда; Коулу Портеру, чьи маленькие глазки сияли, как полированный оникс; Пабло Пикассо, чьи речи и смех были так же смелы и необычны, как его картины, – Фрэнк прославился. А Бланш стала госпожой бара отеля «Ритц». И никогда не покидала своего трона.

У Бланш есть свой маленький столик напротив входа; так она первая замечает прибывающих в бар знаменитостей. Каждый день Фрэнк ставит на стол вазу со свежей розой и написанную от руки табличку «Зарезервировано для мадам Аузелло» в изящной рамке (конечно, в «Ритце» есть штатный каллиграф, чья единственная работа – выписывать имена гостей на карточках для званных обедов). Именно в баре Бланш всегда узнавала последние новости. Сейчас это не изменилось, хотя вместо Хэма (он исчез после оккупации) за столом, уставленным бокалами мартини, сидит Герман Геринг. Вместо Фицджеральда, который не умел пить, но тем не менее ввязывался в алкогольные соревнования с Хемингуэем и в итоге сползал со стула, появился старина Спатзи. Этот немецкий сукин сын бывал в «Ритце» и до войны. Он все так же очарователен, но Бланш не смеется над его шутками так громко, как раньше. Она чувствует скрытую в юморе злобу и ускользает из его рук, всегда тянущихся погладить по плечу или схватить за локоть. Места Пикассо и Портера, шепчущихся о том, кто из гостей не в состоянии оплатить счет, заняли Гансы и Фрицы в нацистской униформе, обсуждающие коктейли «Высший сорт» или «Сингапурский слинг». Вместо соблазнительных Гарбо и Дитрих – Клод запрещал обеим носить свои знаменитые брюки здесь, в «Ритце», – Шанель с ее острым носом и кинозвезда Арлетти с патрицианским лбом и рельефными скулами. Пьет со Спатзи и его друзьями. Если верить слухам, не только пьет.

Сплетен, которые, по мнению Бланш, были главным товаром «Ритца», после вторжения становилось все больше. Ходят слухи, что Геринг наряжается в женскую одежду – кажется, он очень любит перья марабу – и танцует с бедными официантами, которых зовет к себе в номер в любое время дня и ночи. А еще он почти все время сидит на морфии. И в его номере пришлось установить специальную ванну, куда помещается эта туша, – информация из первых уст, от Клода (сама Бланш, как и все, кто не носил униформу – Третьего рейха или отеля «Ритц», – стараниями вооруженной охраны не покидала крыла, выходящего на улицу Камбон). Так что это должно быть правдой. Ее Клод, благослови Бог его трепетное сердечко, не сплетничает.

Есть и другие сплетни; в воздухе витают секреты, секреты, секреты. А Фрэнк наблюдает за всем этим со своего поста. Он берет салфетку, сложенную особым образом, накрывает ее своей гигантской рукой, быстро смахивает со стойки и засовывает в карман. Через несколько минут он выходит на улицу покурить. Кто-нибудь может присоединиться к нему.

Многое из того, что предоставляет «Ритц» – конечно, неофициально, – предоставляется Фрэнком. Вам нужен подпольный акушер? Спекулянт с черного рынка? Нелегальное оружие? Поддельные документы?

Фрэнк Мейер все устроит. И сохранит вашу тайну за небольшую дополнительную плату, переведенную на банковский счет, который он открыл в Швейцарии. Впрочем, Фрэнк понятия не имеет, что Бланш знает об этом.

И вот сегодня, проходя мимо немцев, стоящих на посту, немцев, заказывающих шампанское, немцев, выкрикивающих ее имя и указывающих на стулья рядом с собой, Бланш знает, к кому обратиться по поводу Лили. В прошлом Бланш просила Фрэнка о вещах, о которых не могла попросить Клода. И Фрэнк всегда помогал ей. Что такого в еще одном дружеском одолжении?

Что такого в еще одной недомолвке между мужем и женой, которые давно начали лгать друг другу?

Глава 8

Клод

1927 год

Где они жили в любви и согласии...

Она исчезла.

Ее гардеробная в «Ритце» опустела; она забрала свои вещи и из квартиры в Пасси – квартиры, куда они переехали по настоянию Бланш, ненавидевшей его холостяцкие апартаменты. Он пошел на эту жертву ради нее, он так много сделал для своей неблагодарной жены! Снял квартиру, которую не мог себе позволить; покупал дизайнерские платья, которые, по ее словам, были просто необходимы супруге человека его уровня; получил комнаты в отеле «Ритц», которые она хотела. Требования, требования, требования – кажется, это все, что осталось от их отношений. Брак с женщиной, недавно приехавшей в чужую страну, где у нее не было ни друзей, ни семьи, языком которой она владела очень плохо, потребовал больше времени и сил, чем готов был вложить в него Клод. В конце концов, это жена должна сохранять семейный очаг, понимать, успокаивать, поддерживать, готовить и убирать.

Но какое это теперь имело значение? Как ребенок, избалованный, капризный ребенок, Бланш исчезла. И по какой причине!

Он должен был догадаться; по правде говоря, им владело дурное предчувствие, когда он начинал этот разговор. Клод видел, как нелепо вели себя американцы – солдаты в увольнении, которых переполняло чувство вины. Бизнесмены, регистрировавшиеся в отеле «Кларидж» под вымышленными именами.

Американцы! Почему они так странно относятся к сексу? Секс был просто физической потребностью, необходимостью – особенно в непростые послевоенные годы! Естественно, он попытался объяснить это Бланш.

– Любовь моя, – начал Клод однажды вечером, после того как они насладились часом страсти; он решил, что это подходящий момент для разговора: сейчас Бланш особенно остро чувствует физические и эмоциональные потребности любой женщины. Клод гордился тем, что он пылкий любовник, и в этом Бланш, похоже, была с ним согласна.

– Да, Клод?

– В последнее время – точнее, последние сто пятьдесят лет – Франция почти постоянно находится в состоянии войны. В некотором смысле мы совершили массовое самоубийство – посмотри вокруг, сколько молодых французов осталось в Париже?

– Мало. Черт возьми, Клод, у тебя странное представление о постельных разговорах. – Она села, накинула легкий халат и стала расчесывать спутанные светлые волосы.

Клод с минуту наблюдал за ней. Ему нравилось смотреть, как женщины расчесывают волосы; это была одна из причин, по которой он не любил модные короткие стрижки.

– Бланш, мы только что занимались любовью. Надеюсь, ты согласишься, что это важная часть жизни!

Она улыбнулась, положила расческу и плюхнулась обратно на кровать, поправив халат так, чтобы он соблазнительно облегал ее грудь.

– А вот это разговор по делу!

– Итак, ты согласна: женщина без секса – женщина только наполовину?

– Хм-м-м... – Она стала тереться носом о его грудь, покрывая тело ангельскими поцелуями, и Клоду стоило большого труда продолжить разговор. Но он должен был это сделать.

– Значит, ты поймешь... – Клод мягко оттолкнул ее; ему нужно было, чтобы она услышала то, что он собирался сказать. Все должно быть предельно ясно! – Значит, ты поймешь, если я буду проводить вечер четверга в другом месте.

– Я – что? – Она потерла большим пальцем середину лба – привычка, которая придавала ей душераздирающе детский и наивный вид; Клод слотнул, прежде чем продолжить.

– В четверг вечером я буду в другом месте. С ней.

– С ней?

– С моей любовницей.

– Твоей любовницей???

– Да. Только по четвергам, чтобы не нарушать приличий. Но я не хотел, чтобы ты волновалась или искала меня. Теперь ты знаешь. Хочешь, я разогрею вчерашний буйабес? Я проголодался. – Он потянулся за брюками, потому что было холодно.

Когда он наклонился, чтобы поднять их, Бланш толкнула его сзади, и он свалился на пол. Клод обернулся; Бланш стояла на кровати, ее глаза сверкали.

– Бланш! Что ты делаешь?

– Твоя любовница? У тебя есть любовница? Будь ты проклят, Клод! Мы лежим в постели, мы только что трахнулись – и ты заявляешь, что у тебя есть другая женщина?!

– Тссс! Бланш, говори тише.

– Не буду!!

– Бланш, успокойся. Я не стану ничего обсуждать, пока ты не возьмешь себя в руки.

– Возьму себя в руки? – но она понизила голос.

– Да. Давай садись. – Клод устроился на кровати и с очаровательной улыбкой показал на место рядом с собой; она сердито посмотрела на него, спрыгнула с кровати и села на маленький стул у окна. Точнее, присела на самый край, похожая на птицу – дикую, экзотическую птицу, готовую взлететь.

– Во-первых, я твой муж. Я уважаю тебя.

– Как ты можешь так говорить, если завел какую-то дешевку на стороне?

– Дешевку? Я не понимаю этого слова.

– Шлюху.

– Любовницу, а не шлюху. Если бы я хотел шлюху, я бы ее купил. Но зачем платить за то, что можно получить бесплатно? Я не могу так опозориться.

Она открыла рот и покачала головой:

– Что ты хочешь сказать?

– Любовница – это не шлюха, Бланш. Вы, американцы, используете эти слова как синонимы, но это неверно.

– Да заткнись ты! Не смей читать мне нотации! Ты... ты... ты знаешь, что я могу подать на развод?

– Что? – Теперь настала очередь Клода удивляться. – Во-первых, разводятся только американцы. Во Франции это не принято. А мы здесь гораздо лучше разбираемся в семейной жизни, любовь моя. Глупо даже думать о таком. Как это пришло тебе в голову, не понимаю!

– Но ты изменяешь мне!

– Нет-нет! – Клод чуть не рассмеялся, но вовремя заметил яростный блеск в ее глазах. – Нет, это не так. Так вы, американцы, думаете, но вы все неправильно понимаете. Как я могу изменять тебе с женщиной, которую вижу всего раз в неделю и о которой сам тебе рассказывал? Я не люблю ее, я люблю тебя. Я не женат на ней, я женат на тебе – ты носишь мою фамилию, с тобой я делю свое имущество, ты мой спутник жизни. Она... она просто... просто... – Он пытался подобрать подходящее английское слово. Но английский язык не подходил для таких разговоров.

– Хорошая дырка?

Клод вздрогнул.

– Бланш, это вульгарно. – К его горькому разочарованию, у волшебной принцессы был словарный запас портового грузчика.

– Я вульгарна? О, вот это мило! Может, пора напомнить тебе, Клод Аузелло, что я сделала, когда вышла за тебя замуж?

Клод поморщился; она впервые заговорила об этом. Клод не имел к этому никакого отношения, он никогда не просил ее об этом, хотя не мог не признаться себе, что испытал облегчение, когда она это сделала. Они договорились навсегда забыть о произошедшем – ради блага всех причастных.

– Наш разговор лишен смысла. Я сделал тебе одолжение, сообщив, где буду в четверг вечером, а ты реагируешь, как избалованный ребенок. Это недостойно, Бланш... Черт! – У Клода потемнело в глазах; он почувствовал, как по лбу стекает кровь. Бланш только что швырнула в него вазу и уже тянулась за следующей.

– Прекрати!

– Иди ты к черту! Иди к черту, Клод Аузелло!

Вторая ваза разбилась о стену; он вскинул руки, чтобы защитить лицо, пока она искала, чем еще запустить в мужа. Клод выбежал из комнаты и плотно закрыл дверь. А Бланш колотила по ней руками и ногами, выкрикивая самые невероятные ругательства, которые ему доводилось слышать. Клод невольно восхищался ее изобретательностью: «скользкий сукин сын», «лживый ублюдок без яиц», «бесхребетный червяк», «дрочила». Внезапно стук и ругань прекратились; все стихло.

– Бланш, я... – Клод осторожно приоткрыл дверь. Ни слова в ответ. Он заглянул в комнату. Бланш казалась совершенно спокойной; она даже улыбнулась. А потом ударила его кулаком в нос.

Он держался подальше от квартиры два дня и молился, чтобы Бланш не заявила в «Ритц» в теперешнем истерическом состоянии. Карьере Клода не пойдет на пользу, если его жена будет бегать по коридорам, крича, что он «лживый ублюдок без яиц». Мария-Луиза Ритц такого не потерпит.

Клод рассудил, что Бланш нужно дать время. Она усвоит урок и успокоится. Он даже немного винил себя: опять не учел разницы между американцами и французами. Французы понимали, что случайная связь на стороне, как праздник, укрепляет брак. Это всего лишь удовольствие от открытия другой плоти – больше ничего! Покой, который приносит удовлетворение физической потребности без эмоциональной привязанности, важен для занятого человека. Его мать знала о любовницах его отца на протяжении долгих лет; все, о чем она просила, как и любая разумная француженка, чтобы он не выставлял свои романы напоказ, не знакомил любовниц с детьми, не позволял им отнимать у него много времени, энергии и – самое главное – денег. И если у матери Клода были романы – это трудно себе представить, но всякое может быть, – естественно, никто об этом не знал.

Клод верил, что Бланш научится играть по новым правилам; она быстро училась. Она прекрасно понимала и даже принимала большинство других французских обычаев. Ей хватит двух дней разлуки, чтобы посмотреть на ситуацию под правильным углом.

Однако вечером второго дня, когда он вернулся домой и обнаружил, что ее гардеробная пуста, Клод встревожился и сделал немыслимое: отправил Перл сообщение через посыльного отеля «Ритц». В ответ она попросила зайти к ней домой.

Клод умолял Бланш прекратить дружбу с этой женщиной. Кинокарьера Перл рухнула здесь, во Франции. Она была вынуждена выступать в безвкусных ночных клубах, где воспроизводила сцены из известных фильмов, в которых когда-то снималась, с молодыми людьми, одетыми только в набедренные повязки. Но даже такой работы в последнее время не стало.

Однажды вечером, выпив слишком много шампанского, Перл пришла в «Ритц» повидаться с Бланш и хотела вломиться в бар, куда ее, естественно, не пускали. Бланш попыталась остановить ее, но в тот день Перл было не остановить. Она выглядела ужасно: старый меховой палантин испачкан, чулки в грязи, по лицу размазан макияж. Увидев это, Бланш заплакала. Но Клод видел только катастрофу, которую устроила сама Перл. Бланш рассказала ему, что Перл заложила почти все, что у нее было, и теперь живет на подачки любого мужчины, которого сможет одурачить. Бланш видела в этом мужество.

Клод – позор.

Даже Бланш была потрясена поведением Перл в тот роковой вечер: она ударила Фрэнка Мейера зонтиком. Бланш с трудом уговорила ее выйти на улицу и сесть в такси. С тех пор Клод не видел Перл.

Но сейчас он проделал длинный путь до 20-го округа, района ветхих особняков, разбитых на крошечные квартирки. Здесь не было никаких условий для нормальной жизни: мало кафе, ни одного ресторана, магазины расположены неудобно, некоторые уличные фонари не горят. В таком месте не стоило задерживаться, не то что селиться.

У Перл была квартира в мансарде, поэтому он поднялся на шесть лестничных пролетов. С каждым шагом Клод все больше надеялся, что наверху его ждет Бланш.

Но там была только Перл, кутавшаяся в грязную накидку (раньше она была оторочена мехом; теперь мех вылез, а то, что осталось, блестело от жира). В ее светлых волосах пробивалась седина; она не пользовалась косметикой, но это почему-то делало черты ее лица не такими грубыми. Ее ненакрашенные губы были бледно-розового цвета. Она была гораздо красивее, чем в тот день, когда Клод впервые встретил ее; некоторые женщины становятся красивее от боли и страданий. Перл была одной из них.

– Привет, Клод, – сказала она и посторонилась, пропуская его в квартиру. Он нетерпеливо огляделся в поисках Бланш.

– Где же она? Где моя Бланшетта?

– Она ушла.

– Что ты имеешь в виду?

– Ушла. Исчезла. Испарилась.

– Из нашей квартиры?

– Из Франции.

– Нет... – Клод почувствовал слабость в ногах; ему пришлось сесть. Перл еле успела убрать порванный пеньюар с единственного кресла.

– Да. А ты думал, что она сделает, идиот?

– Я думал... я думал... она моя жена! Как она могла так поступить со мной?

– Ох, Клод. – Перл хрипло рассмеялась; смех перешел в сокрушительный кашель, который продолжался так долго, что Клод забеспокоился, пошел к раковине (крошечная комната была одновременно кухней, гостиной и спальней), нашел мутную банку из-под варенья, очевидно, использовавшуюся в качестве стакана, и наполнил ее водой.

– Спасибо, – прохрипела Перл; она выпила воды и снова начала смеяться. – Странные вы, мужчины! Как она может так поступать с тобой? А как ты мог так поступить с ней? Разве ты не знаешь Бланш? Она маленькая девочка, Клод. Не такая искушенная, как мы с тобой. Несмотря на свой отборный лексикон – эта баба может ругаться, как моряк, – в душе Бланш всего лишь невинная маленькая школьница. Все, что она делает, чтобы скрыть это, – просто игра. Чертовски хороший, но все же спектакль. Она верит в любовь, она верит в добро, она, видимо, все еще верит в Санта-Клауса. И она верила в тебя, тупой ублюдок!

– Но я люблю ее – и она, конечно, знает это. Я не люблю никого, кроме нее!

– У тебя есть кто-то на стороне. Ты сказал ей об этом. Господи, да ты просто болван! Если бы ты не был так чертовски честен, тебе бы все сошло с рук.

Это не приходило Клоду в голову. Скрывать, что у него есть любовница? Женщина – да, красивая женщина, страстная женщина, – но все же просто женщина. Не жена. Он был уверен, что поступил благородно, рассказав все Бланш. Как же сложно с этими американцами! Если бы он не сказал ей, если бы обманул ее, то сейчас они бы вместе проводили счастливый уютный вечер в «Ритце». Клод потерял ее из-за своей честности!

Как такое возможно?

– Куда же она поехала?

Он чувствовал, что Перл на его стороне; понимал, что не заслуживает ее поддержки, но испытывал искреннюю благодарность.

– В Лондон.

– В Лондон?

– Там Джали, – тихо добавила Перл.

– Нет! – В приступе праведного гнева Клод вскочил и ударился головой о скошенный потолок квартиры. – Только не к этому человеку! Он ее не любит. Он не уважает ее!

– Я это знаю, и ты это знаешь, но Бланш... она не видит принципиальной разницы между тем, как обращался с ней Джали, и тем, как обращаешься с ней ты.

– Но разница огромная! Я сделал ее своей женой!

– Зачем? Я всегда хотела это знать. Она тебе вообще нравится? Я не могу избавиться от мысли, что она не в твоём вкусе. Она тебе нужна?

– Я... ну... – Клоду пришлось сесть и взять у Перл банку с водой. Он никогда не задавал себе такие вопросы; никто из его знакомых не задавал себе такие вопросы. Женщины необходимы, но говорить об этом как-то не принято. Что касается привязанности к жене...

Он думал о том, как Бланш удивляла его. Обо всем том, что было ему совсем не нужно – во всяком случае, так ему казалось до встречи с Бланш. Драмы, интриги. Волнение. Острый ум, который исследовал и подталкивал, вместо того, чтобы просто соглашаться.

– Да, она мне нужна, – медленно произнес Клод. – Она мне нужна, потому что без нее моя жизнь была бы очень скучной. Теперь я не могу представить рядом с собой другую женщину. Мне не нужна другая жена.

– Так иди за ней, Клод. Иди за своей женой.

– Я не могу. – Клод взял шляпу, слишком расстроенный, чтобы остаться, но слишком гордый, чтобы пересечь Ла-Манш. – Если она не видит разницы, если не понимает, что я нуждаюсь в ней и уважаю ее, что я спас ее от этого ужасного человека, чтобы сделать спутницей жизни, – я не могу заставить ее. Я не хочу ее заставлять.

– Тогда ты ее потеряешь. – Перл покачала головой и вдруг поцеловала Клода в щеку. Он снова ощутил ее симпатию.

– В это я не верю. – Клод почувствовал, что от доброты Перл у него на глаза навернулись слезы. Возможно, он был слишком строг к ней. – Постарайся не влипать в неприятности, Перл. Бланш беспокоится о тебе.

– Бланш беспокоится обо всех. Ты знаешь, что сделала эта сумасшедшая девчонка? Она заложила часть своих драгоценностей, чтобы я могла заплатить за квартиру.

– Правда? – Глаза Клода снова наполнились слезами; он был ошеломлен. Клод считал, что все женщины соперничают друг с другом за одежду, драгоценности, внимание. За мужчин. То, что они могут быть такими бескорыстными и заботливыми, стало для него откровением. Он вдруг затосковал по стакану хорошего портвейна и по другу, с которым можно все обсудить.

Но его другом была Бланш – еще одно потрясающее открытие. За то короткое время, что они были женаты, Клод ни разу не пил портвейн с приятелем или коллегой так, как делал это до встречи с ней. Теперь, когда у него были проблемы, плохой день или просто желание посмеяться, он шел к Бланш.

– Где она остановилась в Лондоне? – спросил Клод у Перл, прежде чем она успела закрыть за ним дверь.

– А ты как думаешь? – Она снова рассмеялась.

– А... – Клод усмехнулся, несмотря на смятение. – Ну конечно.

Он пожелал Перл спокойной ночи, предварительно сунув ей в руки все деньги, что были у него в карманах. Она спрятала банкноты за пазуху и улыбнулась – призрак прежней улыбки, той самой, которую он впервые увидел в вестибюле отеля «Кларидж», когда встретил прекрасную девушку, которую должен был спасти.

Клод тоже улыбнулся. Потому что еще не все потеряно. Даже если Бланш могла бы убежать от него, было кое-что, что она любила и от чего не могла отвернуться.

Отель «Ритц».

Глава 9

Бланш

Весна 1941 года

Вот что больше всего поражает Бланш, когда она выглядывает из сияющих чистотой окон отеля «Ритц»: нацисты и парижане одеваются, пьют и сплетничают, как в старые добрые времена. Вечерами они спокойно ложатся спать в постели, застеленные свежими простынями – может быть, уже немного потертыми, хотя швеи «Ритца» штопают их такими тонкими стежками, что это едва заметно. А еще они становятся свидетелями переселения некоторых семей. Потому что теперь появились новые законы, декреты из Виши, а точнее, из Берлина: все евреи в Париже должны зарегистрироваться. Им запрещено заниматься юриспруденцией и медицинской, преподавать и даже владеть магазинами. Их дома реквизируют, выкинув целые семьи на улицу. Скульптуры, картины, ковры и другие произведения искусства тщательно переписали, аккуратно упаковали и складировали в пустых хранилищах.

Многие из этих семей были завсегдатаями бара или ресторана «Ритца», хотя в отеле и раньше существовали негласные и, как выразился Клод, выборочные квоты на евреев. («Мы должны заботиться о том, чтобы наши клиенты чувствовали себя комфортно, Бланш. Ротшильды очень приветствуются; фактически они инвестируют в „Ритц“. Есть евреи и есть *евреи*. И ты это прекрасно понимаешь, потому что вы, американцы, не так уж сильно отличаетесь от нас». Он, конечно, прав. То же самое происходит в Нью-Йорке, где Гуггенхаймы гораздо более приемлемы, чем Гольдберги.)

Направляясь на чай к герцогине или просто на прогулку – даже в разреженной атмосфере «Ритца» теперь становится душно из-за сгущенного немецкого акцента, – Бланш все чаще проходит мимо них. Может быть, она сознательно ищет их... Папа в прекрасной фетровой шляпе и пальто беспомощно сидит на обочине, а мама в меховой шубе, с отважным мазком красной помады (всегда с отважным мазком красной помады!) и идеально завязанным шелковым шарфом, таким французским, собирает своих детей, как цыплят, и начинает стучать в двери или звонить родственникам из телефонных будок. Именно мама сохраняет способность двигаться и думать. И строить планы.

Почему Бланш их так называет? Мама и папа? Мысленно она всегда так делает, когда сталкивается с этими несчастными семьями, когда проходит мимо них или останавливается, чтобы вложить им в руки деньги. А когда Бланш идет дальше, идет по своим делам – ведь она может свободно передвигаться, может вернуться в свой дом, – то в их лицах ей чудятся знакомые черты. Может, это просто кошмар? Или запавшая в память старая фотография? Или смутное детское воспоминание?

А еще лица евреев – особенно тех, кто в последнее десятилетие бежал в Париж из Германии и Австрии, – напоминают ей о Лили.

Прошло почти четыре года с тех пор, как она встретила Лили. Это случилось, когда Бланш снова убежала от Клода.

Это стало их привычкой, их игрой. Он настаивал на том, чтобы ночевать в другом месте по четвергам; они спорили об этом; она не могла объяснить ему, как сильно это ее унижает, он не мог понять, почему это ее волнует. Ненадолго Бланш убегала. Потом она возвращалась, или Клод приезжал за ней, чтобы испытать романтический трепет от того, что сам ее вернул. В течение нескольких месяцев они жили и любили в хрупком согласии, ночь четверга проходила спокойно. А потом все начиналось сначала. Всегда начиналось сначала.

Во время одного из таких побегов Бланш встретила Лили.

– Куда ты теперь, Бланш?

– Домой, в Париж.

– Париж... – Маленькая женщина (она была похожа на девочку, но говорила как пьяный моряк и к тому же плохо понимала по-английски) рядом с Бланш кивнула. Они стояли у перил корабля, наблюдая, как он рассекает Средиземное море.

– Я тоже поеду, – решительно заявила она. – Я поеду с тобой. Мне всегда хотелось увидеть Париж.

Она сказала, что ее зовут Лили. Лили Харманьоф. Бланш спросила, не русская ли она, но она только пожала плечами. Бланш спросила, не румынка ли она, но она только пожала плечами. Бланш спросила, из какой она страны. Но она только пожала плечами.

– Париж тебе подойдет, – заметила Бланш с саркастическим смешком.

– Почему, Бланш?

В ответ Бланш только пожала плечами. Лили радостно засмеялась и захлопала в ладоши. Люди главели на них, но Бланш уже привыкла к этому. Люди часто пилились на Лили.

Не только потому, что Лили была крошечной, впечатлительной и склонной стучать незнакомцев по плечу, чтобы задать им личные вопросы (так она познакомилась с Бланш). Не только потому, что она одевалась как сирота, нашедшая мешок со старыми цирковыми костюмами: сегодня на ней был красный берет поверх стрижки под мальчика, изумрудно-зеленый свитер, усыпанный стразами, но с заплатами на рукаве, узкая черная юбка, желтые перчатки и плоские фиолетовые туфли, подошва которых отставала на правом каблуке. Ее черные чулки были чистыми, но слишком большими; они собирались на коленях. Она не пользовалась косметикой; на щеках и носу Лили красовались очаровательные веснушки, что придавало ей сходство с эльфом.

Но это еще не все. В Лили было что-то, что заставляло задуматься, где она была и куда направлялась. Что она видела и о чем забыла. Ее глаза всегда тревожно бегали, ища и оценивая. У Бланш возникло неприятное ощущение, что Лили точно знает, где находятся все выходы из комнаты и все окна, где она может спрятаться, если понадобится.

– Почему тебе так грустно возвращаться, Бланш? – Лили толкнула ее локтем. – Разве ты не хочешь домой?

Бланш пристально посмотрела на нее. За двое суток, которые прошли с того момента, как Лили села рядом с Бланш в корабельном баре и спросила, зачем она надела это платье (ведь этот цвет совсем не идет Бланш, но идеально подходит ей, Лили!), они провели целый час с двумя льстивыми солдатами Иностранного легиона и напоили их до беспамятства; играли в шаффлборд ногами, а не руками; придумали соревнование, в котором тот, кто зашел дальше всех в разговоре с незнакомым человеком о его сексуальных предпочтениях, получал бутылку шампанского (Лили стала победительницей); выиграли Кубок любви в конкурсе румбы (Бланш вела) и устроили вечеринку в спасательной шлюпке, пригласив только мужчин, которые носили монокли (их было удивительно много).

За эти сорок восемь часов Бланш смеялась больше, чем за долгие годы, проведенные с Клодом. Она смеялась так только с Перл, в те старые добрые времена... Так почему же Лили Харманьоф говорит, что ей грустно?

– Я не грущу.

– Ну конечно! Каждый раз, когда ты смотришь на море, твое лицо меняется. Уголки губ опускаются. Вот так! – Лили сделала печальное лицо. – Ты не годишься в шпионы, Бланш. И играть в покер у тебя не получится.

– Мне уже говорили об этом.

– Так. Рассказывай!

Они стояли у борта корабля; морские брызги обдавали их волосы и лица. Бланш поняла, что у нее уже очень давно не было близкой подруги. Когда-то у нее была Перл. Но сейчас Перл

умирала, не в силах ни думать, ни говорить связно. Перл умирала, несмотря на все попытки Бланш спасти ее. Возможно, умирала как раз из-за этих попыток, чтобы избавить Бланш от затянувшегося отчаяния. Бланш никогда не была близка со своими сестрами; впрочем, сейчас их все равно разделял океан.

Ее самым близким другом был Клод. По грустной иронии судьбы именно из-за него у Бланш не осталось подруг. Встречая любую женщину, Бланш невольно задавалась вопросом: а вдруг это она? Неужели эта милая дама, которая сидит рядом с ней в чайной «Ритца», болтая о дороговизне перчаток и интересуясь, какими духами пользуется Бланш, на самом деле любовница Клода? Каждая женщина со своими зубами и моложе пятидесяти лет становилась подозреваемой. Клод сделал так, что Бланш перестала доверять женщинам.

Что касается ее приятелей из «Ритца»... Ну да. У Бланш было много знакомых и собутыльников. Знаменитости, которых все боготворили: Хемингуэй, Фицджеральд, Портер, Пикассо, кинозвезды. Но они не были ее друзьями. Она не могла делиться с ними любовными переживаниями, потому что не ждала сочувствия. Ведь они были мужчинами. Они наверняка встанут на сторону Клода. И они, скорее всего, вспоминали о Бланш только тогда, когда находились в сказочных стенах «Ритца», где она превратилась в такой же декоративный элемент, как огромная фреска с изображением сцены охоты за баром. Вне этого заколдованного мира Бланш для них не существовала. Иногда Бланш задавалась вопросом, существует ли она вообще за пределами «Ритца».

Сейчас, повернувшись к незнакомке с большими, жадными глазами (почти голодными, подумала Бланш), она поняла, что скучает по женской дружбе. По кому-то, с кем можно примерять одежду; кто будет самозабвенно лгать о твоей внешности и твоей способности противостоять разрушительному воздействию времени. По тому, на кого можно положиться в любой ситуации, кто выслушает и посочувствует, не пытаясь рассуждать. С кем так же отвратительно обошлись мужчины.

И Бланш рассказала Лили Харманьгоф, почему ей так грустно.

– Просто... мой муж и я... наш брак... Все так сложно. Во-первых, мы бездетны. – Бланш затаила дыхание, ожидая ответа Лили; она оказывала этой незнакомке невероятное доверие. Рассказывала то, о чем ни с кем не могла говорить, особенно с Клодом. О, это всегда витало в воздухе, читалось между строк в каждом диалоге Бланш и Клода, даже если они болтали за завтраком об обыденных вещах: «У нас достаточно молока?» или «Думаю, нужно купить новые полотенца».

То, что отсутствие кого-то, особенно крошечных, беспомощных созданий, могло придавать ужасный вес всему, что она делала или говорила, сильно беспокоило Бланш.

– А, – сказала Лили, глубокомысленно кивая. Как будто ей рассказывали такое каждый день.

– Кроме того, этот ублюдок изменяет мне. И я слишком много пью, особенно в последнее время. И мы, кажется, разочаровываем друг друга. Слишком легко. Слишком часто. Мы не те, за кого себя выдавали, когда... ну, ты знаешь, как это бывает. Мы просто не те, кем себя считали. У тебя есть дети? – Накануне вечером Бланш спросила, была ли Лили замужем, но Лили ничего не рассказала о своей личной жизни, как будто привыкла не сообщать слишком много подробностей, когда ее о чем-то расспрашивали. Как будто ее слишком часто о чем-то расспрашивали. Бланш просто решила, что она тоже замужем и сейчас преподает мужу какой-то «урок».

Как и сама Бланш.

– О, нет-нет! – Лили энергично замотала головой. – Жизнь, которую я веду, не для детей.

– Какую жизнь ты ведешь?

– Я расскажу тебе, Бланш; все расскажу. Но сначала поговорим о тебе.

Бланш усмехнулась. Почти сработало; они чуть не поменялись ролями. С другими ее знакомыми: светскими львицами, художниками и пьяницами, одинаково склонными к лести и обману, – фокус неизменно удавался.

– Ладно. Похоже, мы не можем иметь детей. Я ходила к врачам – у меня что-то с маточными трубами. Клод об этом не знает.

– Клод – твой мужчина?

– Да. Мой муж... Я же говорила тебе вчера вечером. Может, у него тоже какие-то проблемы со здоровьем. Я понятия не имею, есть ли у него дети от других женщин. Не могу заставить себя спросить. – Именно этот страх мешал Бланш обсуждать с Клодом их бездетность. Если бы у него был ребенок от одной из любовниц, Бланш бы этого не вынесла; она не смогла бы снова и снова возвращаться к нему, надеясь, что рано или поздно он изменится... Господи, какой же наивной душой она была! – Я не знаю, хочет ли он детей. И, по правде говоря, не уверена, что сама хочу их. Но мне все время кажется, что в наших отношениях чего-то не хватает. Как будто я не смогла дать ему то, чего он ждал – семью, которая напоминала бы ему, что он настоящий мужчина. Хотя я никогда, ни разу не давала ему понять, что я хочу именно этого. Да я и сама не знала, чего хочу. О, у нас прекрасная жизнь – ты должна навестить нас в «Ритце»! Но это совсем не та жизнь, что у большинства супружеских пар. Постепенно мы начали верить, что мы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.